

Библиотека
психоанализа

Карл
Абрахам

Эдвард
Гловер

Шандор
Ференци

Классические
психоаналитические
Труды

Библиотека психоанализа

Карл Абрахам

**Классические
психоаналитические труды**

«Когито-Центр»

Абрахам К.

Классические психоаналитические труды / К. Абрахам —
«Когито-Центр», — (Библиотека психоанализа)

В книге представлены работы, охватывающие все основные проблемы теории и техники психоанализа: от метапсихологии и теории развития до защитных сопротивлений, а также терапии разного типа патологии. Без их внимательного изучения базовое психоаналитическое образование нельзя считать полным.

Содержание

Введение	6
Карл Абрахам. Формирование характера на оральной, анальной и генитальной стадиях организации либидо	8
Влияние оральной эротики на формирование характера (1924)	8
Дополнение к теории анального характера (1921)	15
Формирование характера на генитальной стадии развития либидо (1925)	27
Эдвард Гловер. Фундаментальные психические концепции	33
Вступительное замечание	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Карл Абрахам, Эдвард
Гловер, Шандор Ференци**
Классические психоаналитические труды

Институт Психологии и Психоанализа

Под общей редакцией Ларисы Фусу

Перевод с английского *Д.В. Соколова*

Введение

Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах продолжает публикацию трудов классиков психоанализа. Настоящая книга отсылает нас к первоначалам психоаналитической мысли, к временам, когда психоанализ еще завоевывал свои позиции в ряду антропологических наук и еще не стал одной из ведущих наук, влияющих на мировоззрение целых поколений. Вашему вниманию предлагаются основополагающие труды К. Абрахама, Э. Гловера и Ш. Ференци – современников и соратников З. Фрейда, людей, ставших наряду с ним столпами классического психоанализа.

Аналитическая мысль развивается второе столетие, и начинающие специалисты имеют перед собой сотни и сотни трудов, из которых достаточно сложно выбрать ориентир для развития собственного психоаналитического мышления, тем более в нашей стране, где нет традиций научного психоанализа и где эта дисциплина не подвергалась осмыслению несколькими поколениями. Поэтому лакановский лозунг «Назад к Фрейду» как никогда актуален для российского психоаналитика, и если труды З. Фрейда представлены достаточно широко, то по-иному дело обстоит с его коллегами-единомышленниками. О многих ставших классикой статьях молодые специалисты узнают лишь из ссылок или примечаний к другим трудам, а оригиналы так и остаются недоступны, как и много лет назад.

Поэтому Институт психологии и психоанализа поставил перед собой задачу перевести на русский язык фундаментальные труды классиков психоанализа. Перед вами книга, содержащая важные работы К. Абрахама, Э. Гловера и Ш. Ференци, понимание которых необходимо для специалиста, желающего быть сведущим в психоанализе.

К. Абрахам – первый психоаналитик в Германии, выдающийся клиницист, теоретик психоанализа, оставивший после себя множество разнообразных трудов. Особо следует выделить, ввиду их важности для психоаналитического исследования, работы по формированию характера. В своей работе на эту тему «Влияние оральной эротичности на формирование характера» Абрахам показывает, что непосредственное удовлетворение взрослым оральной эротичности, в отличие от анальной, в значительной степени позволительно, поскольку оно не приводит к столь сильному сублимационному давлению, как в случае доминирования других эрогенных зон. Типичной чертой характера, которая возникает в результате сублимации, является оптимизм. Ему противоречит пессимизм и суровость некоторых анальных типов, связанных с ранним разочарованием в оральной эротичности. Когда такое разочарование возникает на оральной стадии в фазе кусания, то его следствием является возникновение амбивалентного характера, т. е. в дальнейшей любовной жизни человек мечется между любовью и враждебностью. Далее в работе описываются другие черты характера, такие как корыстолюбие, жадность, бережливость, скупость и нетерпимость, возникающие в результате процессов смещения.

В работе «Дополнение к учению об анальном характере» он добавляет к описанным Фрейдом анальным типам характера два новых, которые могут быть у одного и того же человека, – уступчивый и упрямый типы, и описывает, как они реагируют на аналитическую ситуацию и какое значение это имеет для техники.

В статье «Формирование характера на генитальной стадии развития либидо» Абрахам обсуждает проблему «нормальности». Он отказывается от любых попыток установить здесь абсолютные нормы и подробно обсуждает их несостоятельность. Один признак нормальности все же можно назвать – степень, в которой человеку удастся преодолеть свой нарциссизм и свою амбивалентность.

Фундаментальный труд Э. Гловера «Техника психоанализа» (1955) представлен в настоящем издании центральными главами, посвященными сопротивлению психоанализу со стороны и пациентов и аналитиков, а также описанием второй, самой главной, стадии психоанализа.

тического процесса (условно Гловер выделяет в психоанализе три стадии: первую – начальную, вторую – стадию невроза и переноса и третью – завершающую).

Труды Ш. Ференци, к сожалению, мало знакомы не только нашему читателю. Этот мастер «малых форм» не пользовался особой популярностью у книгоиздателей, и многие его статьи лишь в последнее время стали достоянием широких читательских масс.

Самостоятельность и смелость мышления, которые с самого начала были замечены в кругу учеников Фрейда, принесли ему прозвище «enfant terrible» психоанализа. Ференци часто строил теории, не пользующиеся популярностью в кругу его коллег, он постоянно экспериментировал и в технике, бесконечно исправлял самого себя.

«У Ференци был особый дар безграничной свободы фантазии, которым не обладал ни сам Фрейд, ни кто-нибудь другой из аналитиков», – так о нем писал Микаэл Балинт.

Именно Ференци стал инициатором учрежденного в сентябре 1913 г. тайного комитета фрейдовского ортодоксального объединения, призванного отгородить не столько психоанализ, сколько самого З. Фрейда от злостных нападок со стороны.

Ш. Ференци разработал собственную «теорию генитальности», однако опубликовать этот труд он отказался. Отзвуки его оригинальных идей наверняка слышатся и в представленной в этой книге статье «Путаница языков взрослых и ребенка». Это текст его выступления на XII Конгрессе в Висбадене в сентябре 1932 г. И тогда, и сегодня его идеи остаются неизменно ценными для всех, кто так и иначе сталкивается в своей работе с взаимоотношениями между поколениями. Пожалуй, Ференци был первым, кто обратил внимание на последствия чрезмерного соблазнения ребенка взрослым посредством речи, поступков, отношения: на то, как пагубно сказывается на психическом здоровье внутрисемейное неразделение между полами, поколениями. Эта статья Ференци поражает и своей современностью, и своей доступностью, но прежде всего, пожалуй, тончайшим психоаналитическим слухом.

Лариса Фусу
июль 2008

Карл Абрахам. Формирование характера на оральной, анальной и генитальной стадиях организации либидо

Влияние оральной эротики на формирование характера (1924)

Согласно традиционным взглядам, формирование характера отчасти связывают с врожденными склонностями, отчасти с влиянием среды, особое значение при этом придавая воспитанию. Психоаналитические исследования впервые привлекли внимание к источникам формирования характера, которые до этого в достаточной мере не изучались. На основе психоаналитического опыта мы пришли к представлению, что элементы инфантильной сексуальности, исключенные из сексуальной жизни взрослого индивида, частично преобразуются в определенные черты характера. Как хорошо известно, Фрейд первым показал, что такого рода изменениям подвергаются определенные элементы инфантильной анальной эротики. Некоторая часть анальной эротики включается в окончательную организацию зрелой сексуальной жизни, другая определенная ее часть сублимируется, а третья – участвует в формировании характера. Такое участие в формировании характера анальных источников должно считаться нормальным. Они позволяют человеку адаптироваться к требованиям окружения в вопросах чистоты, порядка и т. д. Но, помимо этого, мы выделяем и в клиническом смысле «анальный характер», характеризующийся крайней акцентуацией некоторых черт характера, однако следует отметить, что чрезмерная тяга к чистоте, экономии и другие подобные тенденции данного характера никогда не становятся полностью преобладающими. Мы с неизбежностью находим в них более или менее развитые противоположные крайности.

Исходя из нашего опыта, мы можем сейчас сказать, что не все отклонения в окончательном формировании характера на генитальной стадии проистекают из названных анальных источников. Источником формирования характера мы считаем также оральную эротiku. При этом можно наблюдать, что продукты данного источника могут находиться в рамках нормы или значительно превосходить ее. Если наши наблюдения правильны, то можно говорить об оральных, анальных и генитальных источниках формирования характера; при этом, однако, мы вполне сознательно пренебрегаем одним аспектом данной проблемы, поскольку принимаем во внимание развитие, проистекающее из эрогенных зон, но не из составляющих частей инстинктов. Подобное пренебрежение все же более внешнее, чем по сути. Например, тесная связь элемента жестокости в инфантильной инстинктивной жизни с оральной эротикой в структуре характера человека будет проявляться столь же очевидно, как и в других проявлениях, поэтому вряд ли необходимо привлекать к этому специальное внимание.

То, что я смогу сказать о чертах орального происхождения, возможно, несколько разочарует, ибо я не могу предложить картину, сравнимую по полноте с изображением анального характера. Поэтому я начну с различий этих двух характеров, о которых не стоит забывать, что, возможно, в должной мере умерит наши ожидания в отношении орального характера.

Во-первых, нужно помнить, что лишь малая часть приятных ощущений, связанных с кишечной сферой, может принимать участие в нормальной эротике в *невывитесненной* форме, тогда как много большая часть либидинозного катексиса рта, характеризующего младенчество, может участвовать во взрослой жизни. Тем самым оральные элементы инфантильной сексуальности могут не преобразовываться при формировании характера или сублимироваться так, как анальные.

Во-вторых, мы должны иметь в виду, что регрессивные изменения характера, например связанные с некоторыми нервными нарушениями, в основном доходят до анальной стадии. Если они заходят дальше с последующим усилением оральности, о чем будет сказано далее, то в этом усилении присутствуют черты анальной стадии; поэтому в данном случае мы должны ожидать увидеть сочетание двух характерологических категорий, а не только оральные черты.

Если продолжить более глубокое изучение результатов этих двух различных источников формирования характера, то мы придем к заключению, что происхождение анального характера очень тесно связано с предшествующей оральной эротикой и не может быть полностью понято без ссылки на нее.

Клинический опыт заставил Фрейда сделать вывод, что у многих людей особый либидинозный интерес к функционированию кишечника является конституциональным фактором, и это не вызывает сомнений. Достаточно лишь вспомнить, что в некоторых семьях позитивный феномен анальной эротики и анальные черты характера наблюдаются у большинства ее членов. Тем не менее, данные факты могут получить более глубокое объяснение в свете следующих психоаналитических наблюдений.

В младенчестве индивид испытывает острое удовольствие от акта сосания, и мы установили, что это удовольствие не должно относиться всецело к приему пищи, но обусловлено большим значением рта как эрогенной зоны.

Эта примитивная форма получения удовольствия никогда совершенно не оставляется индивидом, но существует под разными масками в течение всей жизни и иногда даже усиливается в некоторые периоды и при определенных обстоятельствах. Тем не менее, развиваясь физически и психически, ребенок совершает имеющий далеко идущие последствия отказ от первоначального удовольствия при сосании. Сейчас наблюдения показали, что каждый подобный отказ происходит на основе замены. Именно данный процесс отказа и принимаемые им в разных условиях направления заслуживает нашего внимания.

Прежде всего, существует процесс прорезывания зубов, который, как известно, служит причиной того, что значительная часть удовольствия от сосания заменяется удовольствием от кусания. Можно вспомнить, как на данной стадии ребенок тянет в рот все, что может, и изо всех сил пытается это раскусить.

В тот же период развития ребенок начинает испытывать амбивалентные чувства к внешним объектам. Следует отметить, что дружелюбный, так же как и враждебный, аспект отношений связан с удовольствием. Примерно в этот же период происходит дальнейшее смещение приятных ощущений на другие телесные функции и зоны.

Особое значение имеет тот факт, что удовольствие от сосания претерпевает своего рода миграцию. Примерно когда ребенка начинают отнимать от груди, его начинают приучать к опрятности. Важным условием успешности этого последнего процесса является постепенное развитие функций анального и уретрального сфинктеров. Действуют эти мускулы так же, как и губы при сосании, и, очевидно, следуя их примеру. Первоначально неконтролируемые выделения сопровождались стимуляцией выходных отверстий тела, что было, без сомнения, приятно. Если ребенок приспосабливается к требованиям воспитателей и научается удерживать выделения, то такая новая деятельность также сопровождается удовольствием. Приятные ощущения в органе, связанном с данным процессом, являются основой, на которой постепенно складывается психическое удовольствие от удержания чего-либо. Самые недавние исследования показали, что обладание объектом изначально означает для младенческой психики его инкорпорацию в собственное тело. Если вначале удовольствие ассоциировалось с приемом в себя извне или с выделением из тела, то теперь добавляется удовольствие от удержания в теле, что ведет к получению удовольствия от любого вида собственности. Соотношение, в котором находятся эти три источника физического и психического удовлетворения, имеет огромное практическое значение для последующего социального поведения человека. Если удовольствие от получения

или взятия приводится в насколько возможно более желательное соотношение с удовольствием от обладания, а также с удовольствием от отдавания, то делается важнейший шаг в создании основы для социальных отношений индивида. Ибо такое соотношение между данными тремя тенденциями означает достижение наиболее важного предварительного условия преодоления амбивалентности эмоциональной жизни человека.

Выше мы уделяли внимание лишь отдельным характеристикам многообразного процесса развития. В целях нашего исследования достаточно прояснить, что первый и, возможно, важнейший шаг в установлении окончательного и нормального отношения в социальных и сексуальных аспектах заключается в успешной переработке оральной эротики. Но существует множество возможностей для нарушения этого важного процесса. Чтобы понять это, следует помнить, что удовольствие периода сосания заключается по большей части в удовольствии от поглощения, от того, что чего-то дают. В последующем становится ясно, что любое количественное отклонение от обычно получаемого удовольствия может вызвать нарушение.

В определенных условиях вскармливания период сосания может быть для ребенка чрезвычайно неприятным. В некоторых случаях это его самое раннее стремление к удовольствию удовлетворяется недостаточно, он лишается радости периода сосания¹. В других случаях этот же период может иметь ненормально интенсивное удовлетворение. Известно, как некоторые матери потворствуют стремлению своих малышек к удовольствию, удовлетворяя каждое их желание. В результате чрезвычайно трудно отлучить ребенка от груди, иногда для этого требуется два или три года. В редких случаях ребенок продолжает сосать питание из бутылочки, пока почти совсем не вырастет.

Лишался ли ребенок в этот ранний период удовольствия или получал его сверх меры – результат одинаков. Он с трудом оставляет стадию сосания. Поскольку его потребность в удовольствии либо в достаточной мере не удовлетворялась, либо стала слишком настоящей, ребенок с особой интенсивностью сосредоточивается на возможности получения удовольствия на последующей стадии. Поступая так, он оказывается в постоянной опасности нового разочарования и с большей готовностью, чем нормальный ребенок, будет реагировать на это регрессией на предыдущую стадию. Другими словами, у ребенка, который был разочарован или избалован в период грудного вскармливания, удовольствие от кусания, которое также представляет примитивную форму садизма, будет особенно сильным. Тем самым формирование характера у такого ребенка начинается под влиянием чрезмерно выраженной амбивалентности чувств. В жизни такое нарушение развития характера выражается в усилении враждебности и неприязни. Это происходит из-за столь распространенного аномального чувства чрезмерной зависти. Эйслер (Eisler) уже отнес эту черту характера к оральному источнику². Я полностью согласен с этим взглядом, но хочу подчеркнуть его связь с оральной стадией. Часто старший ребенок, который уже кусает и жует пищу, может наблюдать кормление грудью младшего. В таких случаях чувство зависти получает дополнительное подкрепление. Иногда оно не вполне преодолевается при обращении в свою противоположность; но можно легко видеть, что первоначальное переживание под различными масками продолжает существовать.

Если ребенок минует Сциллу данной опасности, ему угрожает Харибда другой. Он пытается возобновить акт сосания в другой форме и в другом месте. Мы уже говорили о сосательной активности сфинктеров выделительных отверстий тела и признали, что неумеренное желание обладать, особенно в виде ненормальной бережливости и скупости, находится в тесной связи с этим процессом. Итак, мы видим, что черты характера, принадлежащие клиническому анальному характеру, возникают из остатков оральной эротики, чье развитие было нарушено. В

¹ Фрейд уже давно показал, что проблемы с желудком и кишечником в младенчестве могут оказать негативное воздействие на психическое развитие ребенка.

² «Удовольствие от сна и нарушение способности спать» (1921).

настоящей работе я описываю только одно такое направление неправильного развития. Предшествующее описание достаточно убедительно показывает, насколько наше понимание анального характера зависит от адекватности знаний предшествующего развития.

Теперь мы перейдем к рассмотрению непосредственных результатов воздействия оральной эротики на формирование характера и начнем с примера из обычных психоаналитических наблюдений. Невротическая бережливость, которая может перерасти в скупость, часто встречается у людей, которым трудно зарабатывать на жизнь. Анальные источники формирования характера не могут этого объяснить. На самом деле это явление связано с нарушением стремления к объектам, которое указывает, что либидо претерпело определенные преобразования. Удовольствие от приобретения желательных объектов, как представляется, в данном случае вытесняется в пользу удовольствия от надежного удержания того, что имеется. Люди, у которых мы находим такое вытеснение, охвачены постоянным страхом потерять малейшую часть своего имущества. Такая тревога мешает им пытаться зарабатывать больше денег и делает их во многом беспомощными в практической жизни. Нам необходимо понять такой способ формирования характера, чтобы продолжить изучение относящихся к нему симптомов.

В некоторых других случаях характер человека целиком определяется оральным влиянием, но это может быть доказано только после тщательного анализа. В соответствии с моим опытом мы рассматриваем при этом людей, для которых сосание груди было беспроblemным и чрезвычайно приятным. Они вынесли из этого счастливого периода глубоко укорененное убеждение, что все с ними будет хорошо. Они относятся к жизни с неизменным оптимизмом, который, действительно, часто помогает им добиваться своих целей. Но мы также встречаем и менее удачные варианты развития. У некоторых создается убеждение: некто добрый, что означает, конечно, мать, всегда будет заботиться о них и давать им все необходимое. Такой своеобразный оптимизм обрекает их на бездействие. Мы узнаем в них тех, кто был слишком избалован в период грудного вскармливания. Все их отношение к жизни показывает: они ожидают, что материнская грудь будет вечно следовать за ними, как это в свое время и было. Они не прикладывают никаких усилий и в некоторых случаях даже пренебрегают работой и не стараются заработать себе на хлеб.

Такой оптимизм, сопровождается ли он по жизни активным поведением или беззаботным безразличием к миру, находится в примечательном контрасте с признаками анального характера, что до сих пор не было достаточно оценено. Я имею в виду меланхолическую серьезность, перерастающую в пессимизм. Однако я должен указать, что данная характеристика в значительной мере не анального происхождения, а связана с разочарованиями оральных желаний в самые первые годы жизни. У людей данного типа оптимистическая вера в благосклонность судьбы совершенно отсутствует. Напротив, они постоянно демонстрируют опасливое отношение к жизни, имеют склонность искать во всем самое худшее и находить самые незначительные трудности в простейших делах.

Характер, настолько укорененный в оральной эротике, определяет все поведение человека, а также выбор им профессии, пристрастий, увлечений. В качестве примера можно привести случай невротического чиновника, который мог существовать, только когда все обстоятельства его жизни были определены за него раз и навсегда. Необходимым условием его жизни являлось то, что до самой смерти средства к существованию должны были быть ему гарантированы. Он отвергал любые идеалы личного успеха в пользу получения гарантированного регулярного дохода.

Пока мы рассматривали людей, чей характер в целом объяснялся исходя из предположения, что их либидо получало полное удовлетворение на оральной стадии развития. В психоаналитической работе, однако, мы наблюдаем и других индивидов, на протяжении всей своей жизни обремененных последствиями неудовлетворенности грудного периода. У них не заметно и следов подобного развития.

В своем социальном поведении такие люди всегда что-то просят – либо в форме скромной просьбы, либо в виде агрессивного требования. Манера, в которой они выдвигают свои пожелания, имеет в своем характере некое свойство настойчивого сосания; их не могут остановить ни суровые факты, ни разумные аргументы – они продолжают упрашивать и настаивать. Можно сказать, что они практически «присасываются, как пиявки» к другим людям. Они особенно не переносят одиночества, даже на короткое время. Их заметной характеристикой является нетерпеливость. В некоторых случаях, в которых психоаналитическое исследование обнаружило регрессию с орально-садистической стадии на стадию сосания, в их поведении присутствует также элемент жестокости, что делает их в отношении других людей своего рода вампирами.

У этих же людей мы наблюдаем определенные черты характера, происхождение которых может быть объяснено особым смещением в оральной сфере. Их стремление испытывать удовлетворение посредством сосания сменилось на потребность *давать* посредством рта, поэтому мы можем наблюдать у них, помимо неизменного стремления к получению чего бы то ни было, постоянную потребность устного общения с другими людьми. Это приводит к настойчивой тяге к разговорам, связанной в большинстве случаев с ощущением переполнения. Лица такого типа чувствуют, что запасы их мыслей неистощимы, и придают особую силу или необычную значимость тому, что говорят сами. Их взаимоотношения с другими людьми главным образом осуществляются при помощи словесной разрядки. Упорная настойчивость, описанная выше, в основном проявляется в речи. Эта же функция выступает одновременно в качестве акта давания. Я нередко имел возможность видеть, что так, как речь, другие свои действия подобные люди контролировать не могли. Кроме того, у них часто обнаруживается невротически преувеличенная потребность в мочеиспускании, которая часто возникает одновременно с разговором или сразу после него.

В свойствах характера орально-садистической стадии речь также может занимать место вытесненных импульсов других источников. У отдельных невротиков враждебность их речи особенно потрясает. При этом она служит бессознательной цели убийства противника. Психоанализ показал, что в таких случаях вместо кусания и проглатывания объекта возникает более мягкая форма агрессии, хотя органом для этого все-таки служит именно рот. У некоторых невротиков речь используется для выражения всего спектра инстинктивных желаний, дружеских и враждебных, социальных и асоциальных, безотносительно к инстинктивной сфере, к которой они изначально принадлежали. У них импульс к разговору означает желание чего-либо, включая акт нападения, убийства или уничтожения, и в то же время телесные выделения любого вида, в том числе акт оплодотворения. В их фантазиях речь является предметом нарциссической оценки, которую они бессознательно применяют ко всем физическим и психическим действиям. В целом все их поведение представляет разительный контраст с молчаливыми людьми анального характера.

Такие наблюдения самым настойчивым образом привлекают наше внимание к разнообразию и отличиям, существующим в рамках орального формирования характера, и демонстрируют, что исследуемая нами сфера широка и многовариантна. Наиболее важное отличие, однако, определяется тем, развилось ли свойство характера на основе раннего либо позднего периода оральной стадии; иначе говоря, является ли оно выражением бессознательной тенденции сосать или кусать. В последнем случае в связи с данной чертой характера мы обнаруживаем наиболее заметные признаки амбивалентности – позитивные и негативные инстинктивные желания, дружественные и враждебные тенденции; тогда как из нашего опыта мы можем заключить, что черты характера, являющиеся производными периода сосания, еще не характеризуются амбивалентностью. В соответствии с моими наблюдениями, данное фундаментальное различие распространяется на любые, в том числе самые незначительные, виды поведения

человека. На заседании Британского психологического общества (Медицинская секция) д-р Эдвард Гловер недавно прочитал работу, в которой уделил таким различиям особое внимание³.

Весьма значительные различия, обнаруживаемые в формировании характера различных людей, психоаналитически могут быть отнесены к тому факту, что решающее влияние на развитие характера в одних случаях оказывалось оральными импульсами, а в других – анальными. Равно важна связь садистических инстинктивных элементов и проявлений либидо, проистекающих из разных эрогенных зон. Несколько примеров могут образцово проиллюстрировать это утверждение. В процессе анализа мы можем проследить феномен очень интенсивного стремления и усилия вплоть до первичной оральной стадии. Вряд ли надо говорить, что в качестве факторов этого феномена мы не исключаем и импульсы из других источников. Но желания, являющиеся производной этой самой ранней стадии, еще свободны от тенденции разрушения объекта, характерной для импульсов следующей стадии.

Алчные импульсы, проистекающие из второго периода оральной стадии, сильно контрастируют с непритязательным характером анальной конституции. Но нам нельзя забывать, что слабость тенденции к приобретению в последнем случае уравнивается упорным удерживанием уже имеющегося.

Также характерны различия в склонности делиться своим имуществом с другими. Щедрость часто определяется как оральная черта. В этом случае орально удовлетворенный человек идентифицирует себя со щедрой матерью. Совсем иначе обстоят дела на следующем, орально-садистическом, этапе, на котором зависть, враждебность и ревность делают подобное поведение невозможным. Таким образом, великодушное или завистливое поведение проистекает из одного или двух этапов орального развития; аналогичным образом склонность к скупости связана с последующей анально-садистической стадией формирования характера.

В социальном поведении человека существуют заслуживающие внимания различия, также соответствующие той стадии развития либидо, производной которой является его характер. Люди, получавшие достаточно удовольствия на самой ранней стадии, веселы и общительны; фиксированные на орально-садистической стадии враждебны и злобны; мрачность, недоступность и молчаливость сопровождают анальный характер.

Кроме того, лица с оральным характером открыты новым идеям – в желательном или нежелательном смысле, тогда как анальный характер придерживается консервативного поведения, противостоящего любым новшествам – такой подход, безусловно, препятствует быстрому отказу от чего-либо, зарекомендовавшего себя хорошо. Имеется аналогичный контраст между нетерпеливой назойливостью, спешкой и беспокойством людей с оральным характером и неторопливостью и обстоятельностью анального характера, который склонен, напротив, к медлительности и нерешительности.

Амбициозность как черта характера, столь часто наблюдаемая в анализе, давно уже была отнесена Фрейдом⁴ к уретральной эротике. Однако представляется, что это толкование недостаточно глубоко объясняет истоки формирования данной черты. В соответствии с моим опытом, а также опытом д-ра Эдварда Гловера, эта черта имеет скорее оральное происхождение, которое впоследствии усиливается другими источниками, среди коих особо следует выделить уретральный.

Кроме того, нужно отметить, что определенные аспекты формирования характера на оральной стадии в некоторых важных отношениях совпадают с аспектами, возникающими на последней генитальной стадии. Это, по-видимому, объясняется фактом, что данные две стадии развития либидо менее подвержены нарушениям со стороны амбивалентности чувств.

³ «Значение рта в психоанализе» (1924).

⁴ «Характер и анальная эротика» (1908).

Помимо описанных оральных черт характера, у многих людей обнаруживаются и другие психологические проявления, которые нам следует отнести к оральным источникам. Это те импульсы, которые не подверглись какой-либо социальной модификации. В качестве примеров следует особенно назвать болезненно повышенный аппетит и различные оральные перверсии. Помимо этого, встречается множество невротических орально детерминированных симптомов. Наконец, существуют феномены, возникшие благодаря сублимации. Последний случай заслуживает специального исследования, но, по причине ограниченности рамок настоящей работы я приведу только один краткий пример.

Смещение инфантильного удовольствия от сосания на интеллектуальную сферу имеет огромное практическое значение. Любопытство и удовольствие от разглядывания получают из данного источника значительное подкрепление, и это происходит не только в детстве, но на протяжении всей жизни человека. У людей с особой склонностью наблюдать за природой во многочисленных отраслях научных знаний психоанализ показал тесную связь между такими их импульсами и вытесненными оральными желаниями.

Взгляд на процесс научного исследования позволяет нам распознать, как импульсы различных эрогенных зон должны поддерживать и дополнять друг друга для достижения наилучших результатов. Оптимум достигается, когда при исследовании энергичное восприятие данных сочетается с необходимой целеустремленностью и способностью «переварить» собранные факты, а также с достаточно сильным импульсом вернуть их назад в мир при условии, что это делается без ненужной спешки. Психоаналитический опыт позволяет нам наблюдать различного рода отклонения от этого оптимума. Так, есть люди с огромной способностью к ментальному восприятию, у которых, однако, недостаточна продуктивность. Другие же, наоборот, делают что-то слишком быстро. О них без преувеличения можно сказать, что не успеют они сформулировать идею, как она уже «срывается с языка». При их анализе часто оказывается, что у них имеется склонность к рвоте сразу после принятия пищи. Эти люди демонстрируют сильнейшее невротическое нетерпение; в структуре их характера отсутствует удовлетворительное сочетание оральных импульсов к движению вперед с анальными импульсами удержания.

В заключение, мне кажется, особенно важно еще раз отметить значение подобного сочетания. При нормальном развитии характера мы всегда обнаруживаем, что производные всех первоначальных источников инстинктивных побуждений удачно сочетаются друг с другом.

Необходимо, более того, принимать во внимание многообразие вариантов таких сочетаний, чтобы избежать переоценки какого-либо одного аспекта, каким бы важным он ни был. Если мы посмотрим на проблему формирования характера с одной объединяющей точки зрения, которую предлагает психоанализ, а именно с позиции детской сексуальности, тогда становится очевидным, как все частности сплетаются в характерологическом отношении в единое целое. Сфера детской сексуальности распространяется на две весьма различные области. Она целиком охватывает бессознательную инстинктивную жизнь взрослого человека. Она также является сферой очень важных психических впечатлений самых ранних лет жизни ребенка, к которым мы должны отнести и пренатальное влияние. Иногда мы можем ощутить замешательство, сталкиваясь с той массой явлений, которые предстают перед нами в человеческой психике, от детских игр и других обычных результатов ранних фантазий, первоначального развития детских интересов и талантов, до наиболее ценных достижений зрелого человека и наиболее крайних индивидуальных различий. Но при этом мы должны помнить, что Фрейд в теории и практике психоанализа дал нам инструмент для исследования этого обширного предмета и для открытия дороги к детской сексуальности, этому неисчерпаемому источнику жизни.

Дополнение к теории анального характера (1921)

Широкое поле, открытое перед психоаналитической наукой в настоящее время, предоставляет многочисленные возможности для быстрого роста психологического знания с помощью индуктивного метода исследований. Возможно, что наиболее примечательным и поучительным примером этого является развитие теории анального характера. В 1908 г., примерно пятнадцать лет спустя после появления первых работ по психологии невротиков, Фрейд опубликовал короткий очерк «Характер и анальная эротика». Очерк занимал всего три журнальных страницы и являлся примером сжатого изложения и осторожного четкого суммирования сведений. Постепенный рост числа сотрудников, среди которых можно назвать Садгера, Ференци и Джонса, помог расширить спектр проверенных знаний. Теория, касавшаяся продуктов трансформации анальной эротики, приобрела неожиданную значимость, когда в 1913 г., вслед за важным исследованием Джонса «Ненависть и анальная эротика при обсессивных невротиках», Фрейд сформулировал положение о ранней, «догенитальной» организации либидо. Он считал, что симптомы обсессивных невротиков являются результатом регрессии либидо на стадию развития, характеризующуюся преобладанием анального и садистического компонентов инстинкта. Это представило в новом свете как симптоматику обсессивных невротиков, так и характерологические особенности страдающих ими лиц – так называемый «обсессивный характер». Я могу добавить, предваряя будущую публикацию, что очень похожие аномалии характера обнаружены у людей, склонных к меланхолическим и маниакальным состояниям психики. Поэтому необходимо, возможно, более точно изучить анально-садистические черты характера, прежде чем мы сможем продолжить исследование этих заболеваний, все еще столь загадочных для нас. Настоящее исследование в основном касается анального влияния на формирование характера. Последняя замечательная работа Джонса на данную тему дает обилие ценного материала, но не исчерпывает ее. Поскольку работа одного человека не может в достаточной мере охватить многообразие и сложность этого явления, то каждый аналитик, имеющий собственные данные, должен их опубликовать и помочь тем самым росту психоаналитического знания. Аналогичным образом цель настоящих заметок заключается в расширении теории анального характера в определенном направлении. В работе также будет часто упоминаться и другая важная теоретическая проблема. До сего дня мы весьма неполно представляем себе конкретную психологическую связь, существующую между импульсами садизма и анальной эротики, которые мы всегда тесно увязываем друг с другом, почти уже по привычке. Я попытаюсь решить данный вопрос в своей последующей работе.

В своем первом описании анального характера Фрейд указал, что у некоторых невротиков отмечаются три заметные черты характера, а именно: любовь к порядку, часто переходящая в педантизм, бережливость, легко становящаяся скупостью, и упрямство, могущее перерасти в злобное, вызывающее поведение. Он установил, что первичное удовольствие от опорожнения кишечника и непосредственно от продуктов его деятельности было у таких лиц особенно заметно; и что после успешного вытеснения копрофилия у них либо сублимируется в удовольствие от рисования, моделирования и тому подобной деятельности, либо переходит путем реактивного образования в особую любовь к чистоте. Наконец, он указал на бессознательный эквивалент фекалий, денег и других ценностей. В своих наблюдениях Садгер заметил, что люди с выраженным анальным характером обычно убеждены, что они все могут делать лучше других. Он также говорил об определенном противоречии в их характере, а именно, что огромная настойчивость сопровождается склонностью откладывать дела до последнего момента.

Я оставляю без комментариев отдельные высказывания в психоаналитической литературе других авторов и перехожу к очень подробному и полному исследованию данного вопроса Джонсом. Я могу заранее отметить, что мои взгляды ни по одному пункту не расходятся с его,

тем не менее, мне представляется, что некоторые аспекты положений его работы требуют усиления и завершения.

Джонс вполне правильно различает два акта в процессе, который мы обычно называем приучением ребенка к опрятности. Ребенок не только должен быть приучен не пачкать своими экскрементами собственное тело и окружающие предметы, но и отправлять выделительные функции в определенное время. Другими словами, он должен отказаться и от своей копрофилии и от получения удовольствия в процессе дефекации. Такой двойной процесс ограничения инфантильных импульсов, наряду с его последствиями для физической сферы, требует дальнейшего исследования.

Примитивный способ опорожнения ребенка приводит всю поверхность его ягодиц и нижних конечностей в соприкосновение с мочой и фекалиями. Подобный контакт представляется неприятным, даже отвратительным для взрослых, у которых к такому отношению привело вытеснение своих инфантильных реакций. Они не могут понять источников удовольствия, к которым может стремиться либидо младенца, у которого поток теплой мочи по коже и прикосновение теплых масс кала вызывает приятные ощущения. Ребенок подает сигналы неудовольствия, только когда продукты выделения на его теле начинают остывать. Это такое же удовольствие, к какому ребенок в более поздний период стремится при управлении процессом дефекации. Ференци проследил дальнейшее развитие данной младенческой тенденции. Не следует забывать, кроме того, что удовольствие при виде и запахе фекалий ассоциируется с такими ощущениями.

Особое удовольствие от *акта* выделения, которое мы должны отличать от удовольствия от собственно *продуктов* выделения, включает, помимо телесных ощущений, и физическое удовлетворение, основывающееся на *успехе* данного акта. Теперь, когда при воспитании ребенка от него требуют строгой регулярности выделений, а также чистоты, нарциссизм ребенка подвергается первому серьезному испытанию. Большинство детей раньше или позже приспособляется к подобным требованиям. При благоприятном исходе ребенку удается превратить необходимость в добродетель; другими словами, он идентифицируется с требованиями воспитателей и испытывает гордость при следовании им. Первый удар по нарциссизму, таким образом, компенсируется, и первоначальное чувство самоудовлетворения заменяется удовольствием от своих достижений, от ощущения себя «хорошим», от родительской похвалы.

Не все дети в данном отношении бывают успешны. Особое внимание следует уделить тому, что за определенной сверхкомпенсацией прячется упорное стремление к примитивному праву на самоопределение, которое впоследствии может прорываться с большой силой. Мне приходят на ум те дети (и взрослые, конечно, тоже), чья «хорошесть», вежливые манеры и покорность бросаются в глаза, но чья непослушность проистекает из принуждения их в младенчестве к подчинению. Такие случаи имеют свою историю. У одной из моих пациенток я мог проследить ход событий до раннего младенчества, в чем, по правде говоря, сильно помогли рассказы ее матери.

Пациентка была средней из трех сестер. Она демонстрировала с необычной ясностью и полнотой те черты, характерные для «среднего» ребенка, которые недавно хорошо описал Хаг-Хельмут. Но ее сопротивление лечению, которое самым явным образом ассоциировалось с утверждением ею своего права на самоопределение в вышеупомянутом смысле, относилось к определенным обстоятельствам ее детства.

Когда она родилась, ее старшей сестре еще не было года. Ее маме не вполне удалось научить первенца правилам опрятности, когда родившаяся вторая дочь удвоила нагрузку в виде стирки и купания детей. Когда пациентке было несколько месяцев, ее мать забеременела в третий раз и решила ускорить приучение второй дочери к чистоте, чтобы та не слишком отвлекала ее после рождения третьего ребенка. Она требовала послушания от девочки в виде отправления нужды ранее обычного, подкрепляя свои слова шлепками. Результаты для бес-

покойной матери были весьма удовлетворительными. Ребенок неестественно рано стал образцом опрятности и удивительно покорным. Повзрослев, пациентка находилась в постоянном конфликте между сознательным стремлением к покорности, смирению, желанием жертвовать собой – с одной стороны, и бессознательным желанием отомстить – с другой.

Это краткое описание очень поучительно иллюстрирует эффект раннего ущемления инфантильного нарциссизма, особенно если такие обиды носят постоянный и систематический характер, формируя привычки преждевременно – до того, как ребенок физически готов к ним. Такая физическая готовность появляется, только когда ребенок начинает переносить на объекты (свою мать и т. п.) те чувства, которые изначально были нарциссически связаны. Когда у ребенка появляется такая способность, то он становится опрятным «ради» другого человека. Если требовать опрятности слишком рано, то привычка к ней прививается из-за страха. Внутреннее сопротивление ребенка сохранится, и его либидо будет связано прочной нарциссической фиксацией, что приведет к постоянному нарушению способности любить.

Полная значимость подобных переживаний для психосексуального развития становится вполне очевидной, только когда мы внимательно рассмотрим течение нарциссического удовольствия. Джонс делает ударение на связи чувства большого самоуважения ребенка и его выделительных актов. В своих кратких заметках я привел несколько примеров, чтобы показать, как идеи ребенка о всемогуществе своих желаний и мыслей могут происходить из стадии, на которой он приписывал такое всемогущество своим экскрементам. Дальнейший опыт с тех пор убедил меня, что это нормальный, типичный процесс. У пациентки, о которой я рассказал, переживание нарциссического удовольствия такого рода было, без сомнения, нарушено. Тяжелое и болезненное ощущение неполноценности, которым она была впоследствии охвачена, проистекало в ее случае из преждевременного разрушения ее «мегаломании».

Этот взгляд на экскременты как на признак огромной власти чужд сознанию нормальных взрослых. Однако его присутствие в бессознательном проявляется в просторечных выражениях главным образом шуточного характера; например, унитаз часто именуется «троном». Не приходится удивляться, что дети, вырастающие в среде сильной анальной эротики, инкорпорируют подобные так часто слышимые ими сравнения в общую совокупность своих воспоминаний и позже используют их в невротических фантазиях. Один из моих пациентов страдал от навязчивости находить аналогичное содержание в немецком национальном гимне. В фантазиях о своем величии, помещая себя на место кайзера, он воображал «высокую радость» «купания во славе трона», т. е. в прикосновении к собственным экскрементам.

Наш язык дает и другие характерные примеры переоценки дефекации. В испанском языке существует общепринятое, используемое вполне серьезно выражение – *«regir el vientre»* («править животом»), которое явно указывает на гордость, черпаемую человеком из функционирования своего кишечника.

Если мы признаем в детском чувстве гордости при опорожнении примитивное ощущение власти, то мы можем понять особое переживание беспомощности, так часто наблюдаемое у пациентов с невротическими запорами. Их либидо переместилось из генитальной зоны в анальную, и они сожалеют о трудностях в работе кишечника, как если бы эти трудности были генитальной импотенцией. Если задуматься об ипохондрических переживаниях по поводу кишечника, возникает искушение говорить о *кишечной* импотенции.

Тесно связанной с гордостью является идея многих невротиков, впервые описанная Садгером, что они должны все делать сами, потому что никто другой так хорошо этого сделать не может. Мой опыт свидетельствует, что данное убеждение часто настолько преувеличено, что пациент начинает верить в свою уникальность. Он становится претенциозным, высокомерным и склонным недооценивать других. Один пациент выразил это так: «Все, что не я, – это грязь». Такие невротики испытывают удовольствие, только когда ни у кого больше нет какой-нибудь

принадлежащей им вещи, и презирают любую деятельность, которую им приходится выполнять совместно с другими людьми.

Чувствительность человека с анальным характером к любого рода внешним покусениям на реальную или воображаемую сферу его власти хорошо известна. Вполне очевидно, что психоанализ должен вызывать наиболее сильное сопротивление у подобных людей, считающих его беспрецедентным вмешательством в свою жизнь. «Психоанализ лезет в мои дела», – сказал один пациент, тем самым бессознательно указав на свое пассивно-гомосексуальное и анальное отношение к аналитику.

Джонс подчеркивает тот факт, что многие подобного рода невротики упорно придерживаются собственной системы ведения дел. Они наотрез отказываются приспособливаться к любым внешним обстоятельствам, но требуют беспрекословности от других людей в случае формирования ими самими собственных определенных требований. В качестве примера могу назвать установление строгих правил поведения в офисе или, как вариант, составление свода инструкций или рекомендаций по организации работы всех офисов определенного типа.

Вот яркий образец такого рода. Мама составила письменный распорядок, в котором расписала день своей дочери по минутам. Указания на утро были изложены таким образом: 1) подъем; 2) сходить в туалет; 3) умыться и т. д. По утрам она время от времени стучала в дверь дочери и спрашивала: «Какой пункт ты уже выполняешь?» Девочка отвечала: «9» или «15» – в зависимости от обстоятельств. Таким образом мама строго следила за исполнением своего плана.

Следует отметить, что все подобные системы свидетельствуют не только об одержимости их создателей порядком, но также об их любви к власти, имеющей садистическое происхождение. Я намерен в дальнейшем рассмотреть сочетание анального и садистического импульсов более подробно.

Здесь можно вспомнить о том удовольствии, которое такие невротики получают от нумерации и регистрации всего подряд, от составления сводных таблиц или от работы с любого рода статистикой.

Они, кроме того, демонстрируют упрямство в отношении любых требований или запросов со стороны других людей. Нам это напоминает поведение детей, у которых начинается запор, когда от них требуют дефекации, но которые подчиняются нужде потом, когда им это удобно. Такие дети восстают равным образом как против «должен» (когда требуют опорожнить кишечник), так и против «нужно» (детское название необходимости дефекации) – их желание задержать опорожнение является защитой от обоих требований.

Выделение экскрементов является самой ранней формой, в которой ребенок «дает» или «дарит» что-то, и невротик часто демонстрирует упрямство в вопросах отдавания. Соответственно, во многих случаях он будет отказывать в требовании или просьбе к нему, но по собственной «свободной воле» может сделать этому человеку приятный подарок. Для него важно сохранить свое право на принятие решения. Мы часто обнаруживаем при психоанализе, что муж против любых расходов, предлагаемых его женой, хотя после дает ей по «своей свободной воле» больше, чем она до того просила. Такие мужчины рады держать своих жен в постоянной финансовой зависимости. Выдача денег частями, размер которых они сами определяют, является для них источником удовольствия. Мы сталкиваемся с подобным поведением у некоторых невротиков в связи с дефекацией, которую они допускают исключительно *in refracta dosi*. У таких мужчин и женщин есть особая склонность разделять пищу на порции, которые они считают наилучшими, и эта привычка иногда принимает гротескные формы. Например, один скупой старик кормил свою козу, давая ей каждую травинку отдельно. Такие люди любят возбуждать желания и ожидания у других и затем удовлетворять их в малом, недостаточном объеме. В тех случаях, когда приходится уступить требованиям других людей, некоторые из таких невротиков пытаются поддерживать видимость принятия самостоятельного решения. Приме-

ром этого является стремление оплачивать даже самые малые суммы чеком; тем самым человек избегает использования обычных банкнот и монет и создает свои «собственные» деньги. Неудовольствие от расходов тем самым уменьшается настолько, насколько бы оно возросло при оплате наличными. Я хочу уточнить, однако, что в данном случае действуют и другие мотивы.

Невротики, желающие распространить на все действие своей системы, склонны к преувеличенной критике других, что легко переходит в обычную недоброжелательность. В общественной жизни они составляют основную массу недовольных людей. Исходная анальная черта – упрямство – может, однако, развиваться в двух различных направлениях, как убедительно показал Джонс. В одних случаях мы сталкиваемся с неприступностью и несговорчивостью, т. е. с асоциальными и непродуктивными характеристиками. В других – обнаруживаем настойчивость и скрупулезность, т. е. социально ценные характеристики, если они не доходят до крайностей. Мы здесь должны вновь привлечь внимание к существованию иных инстинктивных источников, кроме анальной эротики, которые усиливают названные тенденции.

Противоположный тип характера был весьма слабо изучен в психоаналитической литературе. Существуют невротики, которые избегают принятия какой-либо инициативы. В повседневной жизни они желают, чтобы добрый отец или заботливая мать были всегда рядом и устраняли любые трудности на их пути. В анализе им не нравится, что они должны давать свободные ассоциации. Они хотят спокойно лежать, чтобы терапевт сам делал всю аналитическую работу, либо задавал им вопросы. Схожесть фактов, обнаруженных в анализе таких случаев, позволяет мне утверждать, что такие пациенты в детстве сопротивлялись требуемой от них дефекации и мама или папа избавляли их от этой проблемы частыми клизмами или слабительным. Для них свободные ассоциации являются психическими испражнениями, и – как и в случае телесных испражнений – им не нравится, когда их просят это делать. Они все время ожидают, что работа должна быть облегчена или вообще выполнена за них. Я вспоминаю обращенную форму такого сопротивления, которую я аналогичным образом проследил до ее анально-эротических источников в своей предыдущей работе. Она относится к таким пациентам, которые желают в своем психоанализе все делать сами по своему методу и по этой причине отказываются озвучивать, как это предписано, свободные ассоциации.

В настоящей работе я не намерен рассматривать образование невротических симптомов, протекающее из вытесненной анальной эротики, в том же объеме, как и ее характерологических проявлений. Поэтому я лишь коснусь различных форм невротического вытеснения, которое явно связано со смещением либидо в анальную зону. То, что избегание усилий является распространенной чертой анального характера, нуждается в дальнейшем обсуждении; мы же должны кратко рассмотреть состояние лиц с так называемым «обсессивным характером».

Если либидо мужчины не переходит в полной мере на стадию генитальной организации или если оно регрессирует с генитальной на анальную фазу развития, то это неизбежно снижает уровень мужской активности в полном смысле этого слова. Его физиологическая продуктивность связана с генитальной зоной. Если его либидо регрессирует на анально-садистическую фазу, он теряет свою продуктивную силу, и не только в смысле исключительно полового воспроизводства. Его генитальное либидо должно давать первый импульс к акту зачатия и тем самым – к рождению нового существа. Если инициатива, необходимая для репродуктивного акта, отсутствует, то мы неизменно обнаруживаем недостаток продуктивности и инициативы в других формах поведения. Но последствия не ограничиваются только этим.

Генитальная активность мужчины сопровождается позитивным эмоциональным отношением к объекту его любви; это отношение распространяется на его действия по отношению к другим объектам и выражается в способности к социальной адаптации, преданности определенным интересам и идеям и т. д. В этом смысле формирование характера на садистическо-анальной стадии лишено достоинств генитальной стадии. Садистический элемент, играющий большую роль в эмоциональной жизни нормального мужчины при условии надлежущей

переработки через сублимацию, с особой силой проявляется у людей с обсессивным характером, хотя и в уродливом виде вследствие амбивалентности их инстинктивной жизни. Он также содержит враждебные объекту деструктивные элементы и из-за этого не может быть сублимирован в реальную способность к преданности любовному объекту. Что касается формирования реакции преувеличенной уступчивости и мягкости, которая часто наблюдается у таких людей, то ее не следует путать с настоящим любовным переносом. Случаи, когда был достигнут достаточный уровень объектной любви и генитальной организации либидо, более благоприятны. Если описанная выше чрезмерная доброта соединяется с частичной объектной любовью такого рода, то образуется социально полезная «разновидность», которая все же существенно менее ценна, чем полноценная любовь к объекту.

У лиц с ослабленной в той или иной мере генитальностью мы обычно находим бессознательную склонность относиться к анальной функции как к продуктивной деятельности и представлять генитальную активность как несущественную, а анальную – как гораздо более важную. Их социальное поведение, соответственно, сильно увязано с деньгами. Они любят денежные или эквивалентные им подарки и стремятся стать меценатами или покровителями иного рода. Но их либидо остается в большей или меньшей степени оторванным от объектов, поэтому выполняемая ими работа остается, по сути, непродуктивной. Они не страдают от недостатка настойчивости – обычного признака анального характера, но их настойчивость в основном реализуется непродуктивным образом. Они расходуют ее, например, на педантичное соблюдение установленных правил, так что в неблагоприятном случае их озабоченность формальными внешними обстоятельствами перевешивает их заинтересованность в реальном положении вещей. Рассматривая случаи, когда анальный характер мешает проявлению мужской активности, мы не должны забывать о тенденции, часто весьма сильной, откладывать любое действие. Мы хорошо знаем ее происхождение. С ней часто связана тенденция прерывать любую начатую деятельность; т. е. во многих случаях как только человек начинает что-либо делать, можно предсказать, что эта деятельность будет скоро прервана. Реже мне встречалось обратное поведение. Например, одному из моих пациентов длившееся долгое время сопротивление мешало писать докторскую диссертацию. Мы обнаружили несколько мотивов для сопротивлений, и среди них было следующее: он заявил, что уклонялся от начала работы, потому что, начав, он уже не мог больше остановиться. Это напоминает поведение некоторых невротиков в отношении своих экскрементов. Они удерживают содержимое кишечника или мочевого пузыря как можно дольше. Когда они, наконец, уступают слишком сильной нужде, уже никаких задержек не происходит, и опорожняется все содержимое. Здесь нужно особенно отметить тот факт, что существует двойное удовольствие – от сдерживания выделений и от их испражнения. Коренное отличие этих двух видов удовольствия лежит в затянутости процесса в первом случае и в его стремительном характере – во втором. Что касается упомянутого пациента, то долго откладывавшееся начало работы означало смену удовольствия от удержания на удовольствие от выделения⁵.

Одна подробность истории этого пациента демонстрирует, до какой степени преобладание анальной эротики над генитальной делает невротика неактивным и малопродуктивным. В процессе своего анализа он тоже достаточно долго оставался абсолютно неактивным, избегая при помощи этой защиты любых изменений в своем состоянии и обстоятельствах жизни.

⁵ Тенденция удерживать фекалии представляет особую форму предвкушения удовольствия и представляется мне заслуживающей специального рассмотрения. Здесь я отмечаю только один момент. Последнее время предпринимались неоднократные попытки выделить пару противоположных друг другу «психологических типов» и отнести всех людей к той или другой категории. Мы можем припомнить в данной связи «экстравертированный» и «интровертированный» типы Юнга. Пациент, пример которого я привел, был в сильнейшей степени обращен внутрь себя, но он всё больше и больше отказывался от враждебного отношения к объектам в ходе анализа. Этот и многие другие примеры могут служить доказательствами того, что «интроверсия» в юнгианском смысле является инфантильной привычкой к удовольствию от удерживания. Таким образом, мы имеем дело с отношением, которое может быть приобретено или оставлено, а не с проявлением жесткого психологического типа.

Как это часто бывает у обсессивных пациентов, его единственным методом преодоления внутренних и внешних затруднений было отчаянное сквернословие. Такое выражение аффектов сопровождалось весьма примечательным поведением. Вместо того чтобы думать об успехе лечения, он размышлял над тем, что происходит с произнесенными им проклятиями – будут ли они услышаны Богом или дьяволом, и над судьбой звуковых волн вообще. Его интеллектуальная деятельность была, таким образом, замещена невротическими умствованиями. Из его ассоциаций стало ясно, что молчаливый вопрос о том месте, куда в конце концов доходил звук, относился также к запаху и проистекал в этом последнем случае из анальной эротики (метеоризм).

Вообще говоря, чем больше мужская активность и продуктивность затрудняются невротизмом, тем более выраженным становится их интерес к обладанию, и это уводит далеко от нормы. В явных случаях формирования анального характера почти все взаимоотношения в жизни сводятся к категориям обладания (удержания) и отдавания – иначе говоря, владения. Т. е. как если бы девизом таких людей были слова: «Дающий мне – мой друг; просящий у меня – мой враг». Один пациент сказал, что на протяжении лечения не мог испытывать ко мне дружеских чувств, и объяснил: «Пока мне приходится кому-нибудь что-нибудь платить, я не могу быть к нему дружественным». У других невротиков мы можем наблюдать полное обращение такого поведения в противоположность: их дружелюбие к другому человеку увеличивается пропорционально помощи, в которой тот нуждается или о которой просит.

У первой и более многочисленной группы зависть явно выделяется как основная черта характера. Завистливый человек, однако, демонстрирует не только желание чужих вещей, а и соединенные с ним злобные импульсы против удачливого владельца. Но мы сделаем здесь лишь краткую ссылку на садистические и анальные корни зависти, поскольку они оба имеют меньшее и второстепенное значение для образования данной черты характера, которая возникает на ранней оральной стадии развития либидо. Для иллюстрации связи зависти с анальными идеями обладания будет достаточно одного примера – это часто встречаемая зависть к своему аналитику со стороны пациента. Он завидует его положению «превосходства» и все время сравнивает себя с ним. Один пациент однажды сказал, что распределение ролей в анализе было слишком несправедливым, потому что именно ему приходилось приносить все жертвы; он должен был приходить на прием, продуцировать ассоциации, платить деньги. Тот же пациент имел привычку подсчитывать доход всех, кого знал.

Теперь мы вплотную подошли к одной из классических характеристик лиц с анальным характером, а именно к особому отношению к деньгам, заключающемуся обычно в бережливости или жадности. В психоаналитической литературе для подтверждения наличия данной характеристики зачастую не уделялось достаточного внимания ряду других качеств, которые я намереваюсь рассмотреть.

В ряде случаев связь между преднамеренным удерживанием фекалий и систематической бережливостью совершенно ясна. Я могу привести пример богатого банкира, который вновь и вновь внушал своим детям, что они должны задерживать содержимое кишечника как можно дольше, чтобы извлечь максимальную пользу из каждого кусочка съеденной ими дорогой пищи.

Некоторые невротики распространяют свою бережливость или жадность на расходы определенного типа, тогда как в остальном они тратят деньги с удивительной легкостью. Есть категория пациентов, которая избегает тратить деньги на «преходящие» вещи. Концерт, путешествие, посещение выставки требуют расходов, не оставляя взамен ничего постоянного. Я знаю человека, не ходившего по этой причине в оперу; при этом он приобрел фортепьянные партитуры опер, которых не слышал, – тем самым он приобрел нечто «длящееся». Некоторые из таких невротиков стараются не тратиться на еду, потому что ее нельзя хранить достаточно долго. Важно, что есть и пациенты другого типа, с готовностью несущие расходы на еду, кото-

рой они уделяют чрезвычайное внимание. Это те невротики, которые с тревогой постоянно следят за своим телом, измеряют свой вес и т. д. Их интерес связан с вопросом, что же остается от того, что было поглощено их телом как имущество длительного пользования. Очевидно, что они идентифицируют содержимое тела с деньгами.

В других случаях мы обнаруживаем, что невротик переносит свою экономность во все сферы жизни; и в некоторых вопросах он доходит до крайности, не достигая никакой заметной экономии. Один эксцентричный скряга ходил по дому в незастегнутых брюках, чтобы отверстия для пуговиц не изнашивались слишком быстро. Легко догадаться, что в данном случае действовали и другие импульсы. Характерно при этом, что они могут скрываться за анально-эротической тенденцией экономить деньги и что этот мотив может проявляться столь явно. У некоторых пациентов бережливость присутствует в особом случае использования туалетной бумаги. При этом неудовольствие от загрязнения чистого участвует как определяющий фактор.

Достаточно часто может наблюдаться перенос чувства жадности с денег или с их ценности на время. Время, как известно, связывается в знаменитой поговорке с деньгами. Многие невротики постоянно беспокоятся по поводу бесполезной траты времени. Им кажется, что они достойно потратили время, только когда они провели его в одиночестве или за работой. Любое отвлечение от работы их чрезмерно раздражает. Они ненавидят неактивность, трату времени на удовольствия и т. п. Это те люди, которые склонны к описанному Ференци⁶ «воскресному неврозу», т. е. которые не могут переносить перерыва в своей работе. Как любое невротически преувеличенное намерение часто не достигает своей цели, также это происходит и в данном случае. Пациент часто экономит время в чем-либо малом, и при этом бесполезно тратит его в большом.

Такие пациенты часто для экономии времени делают два дела одновременно. Они любят, например, что-то заучивать, читать или заниматься другими делами во время дефекации⁷. Я неоднократно сталкивался с пациентами, которые для экономии времени одевали или снимали пиджак и жилет вместе или перед сном оставляли трусы в брюках, чтобы утром надеть оба предмета одежды одним движением. Примеры такого рода могут быть легко приумножены.

Формы, в которых может выражаться удовольствие от обладания, чрезвычайно многочисленны. Коллекционер марок, глубоко переживающий неполноту в своем наборе марок, недалеко отстоит от скряги, который, согласно популярному представлению, пересчитывает свои предметы из золота и радуется им. Но работы Джонса об импульсах к коллекционированию содержательны настолько, что добавить к ним ничего существенного я не могу.

Вместе с тем мне кажется необходимым кратко рассмотреть феномен, тесно связанный с удовольствием субъекта от рассматривания своих вещей. Я имею в виду удовольствие при взгляде на творения собственного ума, на письма, рукописи и т. п. либо на завершённые произведения любого рода. Прототипом такой склонности является разглядывание собственных фекалий, что является всегда новым источником удовольствия для многих людей, а для некоторых невротиков – формой психической компульсивности.

Данный факт либидинозного интереса к обладанию объясняет трудности наших пациентов при расставании с предметами любого рода, даже когда те не имеют уже ни практической, ни денежной ценности. Такие люди часто собирают у себя на чердаке разные сломанные вещи под предлогом, что те еще могут пригодиться в будущем. После по тому или иному поводу они избавляются от всего хлама сразу. Их удовольствие от хранения массы вещей полностью соответствует удовольствию от удержания фекалий. Мы видим в таких случаях, что выбрасывание (освобождение от) вещей откладывается как можно более долго. Те же люди собирают

⁶ «Воскресный невроз» (1919).

⁷ Для данных невротиков туалет поистине является местом «производства», чему помогает его уединенность. Один пациент, демонстрировавший сильное сопротивление свободным ассоциациям на аналитических сессиях, производил их дома в туалете и приносил готовыми на анализ.

клички бумаги, старые конверты, исписанные ручки и аналогичные предметы, будучи долго не в состоянии избавиться от всего этого, и достаточно редко устраивают генеральную уборку, которая также ассоциируется с удовольствием. У бизнесменов и служащих мне иногда встречалась особенная склонность аккуратно сохранять уже достаточно грязную и истрепанную промокательную бумагу. В бессознательном таких невротиков клякса чернил эквивалентна пятну от фекалий. Я знал одну старую слабоумную женщину с сильной регрессией либидо на анальную стадию, которая складывала использованную туалетную бумагу в карман и носила с собой.

Следующая необычная привычка у женщины, которая также демонстрировала резко выраженные анальные черты, ясно свидетельствует, что в бессознательном выбрасывание вещей равнозначно испражнению фекалий. Эта женщина была не в состоянии выбрасывать предметы, ставшие бесполезными. Тем не менее, она испытывала иногда побуждение выбросить что-нибудь из таких вещей, и она придумала способ обмануть себя, который и использовала. С предметом, от которого хотела избавиться, например со старой одеждой, которую она закрепляла на спине, засовывая ее одним углом под завязки передника, она шла из дома в соседний лес. По дороге через лес она его «теряла» и возвращалась домой другим путем, чтобы «потерянный» предмет не увидеть вновь. Таким образом, для того, чтобы отказаться от владения предметом, ей нужно было, чтобы тот упал с задней стороны ее тела.

Людам, которые не любят освобождаться от изношенных вещей, как правило, трудно начать пользоваться новыми. Они покупают новую одежду, но не носят; а «оставляют» ее на будущее и испытывают от нее настоящее удовольствие, только пока та висит неиспользованной в шкафу.

Склонность не выбрасывать отслужившие свой срок или бесполезные предметы часто приводит к компульсивной тенденции использовать даже самые непригодные вещи. Богатый человек разрезал свои пустые спичечные коробки на маленькие полоски и отдавал слугам для разжигания огня. Похожая тенденция появляется у женщин в период старческой инволюции.

Во многих случаях интерес индивида к использованию остатков переживает неполную сублимацию – например, когда у невротика любимой фантазией при бодрствовании является утилизация отходов целого города, но из его размышлений может не последовать никаких практических результатов. Позже мы еще рассмотрим дневные грезы такого рода.

Склонность к экстравагантности мы встречаем у наших пациентов реже, чем бережливость. В своем, сообщении в Берлинском психоаналитическом обществе Симмель провел параллель между экстравагантностью и невротической диареей с такой же очевидностью, как и в случае связи жадности и запоров, известном нам уже давно. Я могу подтвердить корректность его взгляда своими собственными наблюдениями, и, на самом деле, несколько лет назад я привлекал внимание к тому факту, что трата денег может представлять эквивалент желаемого, но невротически осложненного высвобождения либидо. Я могу упомянуть здесь о склонности некоторых женщин разбрасываться деньгами. Это выражает враждебность к мужу, который таким образом лишается своих «средств»⁸; это относится поэтому – если отбросить другие детерминанты – к выражению женского комплекса кастрации в смысле реванша над мужчиной. Здесь мы вновь видим, как садистические мотивы сочетаются с анально-эротическими.

По противоречивому отношению к дефекации мы вполне можем понять истоки мелочности многих невротиков в экономии малых сумм денег, при этом время от времени они щедро тратят крупные суммы денег. Такие люди задерживают опорожнение кишечника как можно дольше – часто под предлогом нехватки времени, а когда, в конце концов, идут в туалет, то выделяют лишь малое количество фекалий. Но время от времени дефекация производится ими в большом объеме.

⁸ Немецкое слово «Vermogen» означает «имущество», «состояние», «средства», «богатство», а также «сексуальные способности». – *Прим. пер.*

Мы иногда встречаем индивидов с ярко выраженным анальным характером, чье либидо обращено почти исключительно на обладание деньгами. Пациент рассказывал мне, что в детстве он играл в войну не с оловянными солдатиками, как другие дети, а с деньгами. Ему давали медные монеты, которые означали рядовых солдат. Никелевые монеты были сержантами, а серебряные – офицерами. Серебряная монета в пять марок была фельдмаршалом. Этот офицер был защищен от любого нападения в особом здании «за линией фронта». Каждая из сторон брала в бою «пленных» и добавляла к своей армии. Таким образом, одна сторона увеличивала количество имевшихся денег до тех пор, пока у другой не оставалось ничего. Вполне очевидно, что в бессознательном пациента «битва» происходила с его «богатым» отцом. Стоит заметить, однако, что деньги совершенно заменили человеческие фигуры. Действительно, когда пациент пришел ко мне на лечение, у него не было никакого интереса к другим людям; его привлекало только обладание деньгами и ценность денег.

Поведение наших пациентов в вопросах порядка и чистоты противоречиво так же, как и в денежных делах. Данный факт настолько известен каждому психоаналитику, что общее упоминание о нем не является необходимым; однако некоторые особенности в данной связи заслуживают специального рассмотрения.

Удовольствие от нумерации и классификации, от написания списков и статистических сводок, от составления программ и регулирования работы с помощью распорядка дня является известным проявлением анального характера. Данная склонность у многих настолько заметна, что предвкушаемое удовольствие при разработке плана у них сильнее, чем удовлетворение при его реализации, поэтому они часто и оставляют план невыполненным. Я наблюдал ряд пациентов с длительным расстройством способности к работе, которые составляли план работы на неделю, скажем, каждое воскресенье, а затем совершенно не могли воплотить его в жизнь. Надо отметить, что среди них были не только нерешительные, но и упрямые люди, которые в своей самонадеянности отвергали испытанные методы других людей и желали действовать по-своему.

Многие невротики сохраняют в течение жизни особое амбивалентное отношение к порядку и чистоте. Таковы люди, которые выглядят достаточно ухоженно, пока это касается их наружности. Но если их видимая одежда и белье безупречны, то одетое под ними, а также закрытые части тела чрезвычайно грязны⁹. Те же самые люди стремятся сохранять скрупулезный порядок у себя дома. На письменном столе, к примеру, каждый предмет имеет свое особое место, а книги расставлены с величайшей заботливостью и тщательностью на полках, где они находятся на виду. В ящиках стола, напротив, царит полный беспорядок, который устраняется тщательными уборками только изредка и то лишь на короткое время.

Я могу здесь отметить, что в бессознательном таких невротиков неприбранная комната, захламленные ящики и т. п. представляют кишечник, наполненный фекалиями.

Я неоднократно имел возможность анализировать сны, которые похожим образом уподоблялись на деятельности кишечника. Один из пациентов рассказал мне сновидение, в котором он поднимался по лестнице за своей матерью, чтобы попасть в чулан на чердаке. Это было сновидение об инцесте с фантазией об анальном коитусе, в котором узкая лестница символически представляла анус, а чулан – кишечник.

Черты характера, связанные с порядком, как, например, скрупулезность и аккуратность, часто тесно ассоциируются с противоположными качествами. Данные черты особенно изучены в исследованиях Джонса, и мне нет нужды углубляться в них; я только упомяну о часто представленной в анальном характере страсти к симметрии и «хорошести».

⁹ В Берлине о таких людях говорят: «Oben hui, unten pfui!» (Сверху шик, снизу стыд!). Непоследовательность в данном вопросе у некоторых людей является, таким образом, общеизвестной.

Как некоторые невротики считают свои шаги, чтобы дойти до места за равное количество шагов, так же они не терпят никакой асимметрии в других вопросах. Они расставляют все свои предметы симметрично. Они делят все с мельчайшей точностью. Муж может составить расчет, чтобы показать жене, что их траты на одежду и прочее не эквивалентны; он будет постоянно подмечать, сколько потратил один и сколько может потратить другой, чтобы уравнивать затраты. В период нехватки продовольствия во время Первой мировой войны два холостых брата совместно вели домашнее хозяйство. Когда оба получали мясо по карточкам, они делили его, взвешивая каждую порцию на весах. Оба переживали, чтобы другой не был обделен или не почувствовал, что с ним несправедливо обошлись. Постоянное желание быть с другими людьми «в расчете», т. е. не нести никаких обязательств, даже незначительных, также имеет большое значение. То, что у других индивидов с выраженным анальным характером имеется склонность забывать о своих долгах (особенно на малые суммы), может расцениваться как симптом несублимированной анальной эротики.

Наконец, следует обсудить то открытие Джонса, которое он упомянул только между прочим, но которое, очевидно, является результатом богатого опыта.

Наиболее интересным плодом анальной эротики, как пишет Джонс, «является тенденция уделять особое внимание оборотной стороне различных вещей и ситуаций. Это может проявляться многими различными способами: в заметном любопытстве к противоположной или задней стороне предметов или мест, например, в желании жить на другой стороне холма, потому что его задний склон обращен к определенному месту; в склонности путать право и лево, запад и восток; в изменении порядка слов и букв при письме, и т. д.».

Я мог бы проиллюстрировать рассуждение Джонса множеством примеров из моей практики. Они имеют глубокое значение для понимания некоторых невротических симптомов и черт характера. Нет сомнения, что смещение либидо с генитальной зоны на анальную является прототипом всех подобных «перестановок». В этой связи можно вспомнить примеры поведения людей, которых считают эксцентричными. Их характер складывается по большей части из анальных черт. Они стремятся действовать в большом и малом противоположно тому, как поступают другие. Они носят одежду, максимально контрастирующую с текущей модой. Они работают, когда другие играют. Если они выполняют работу, при которой другие сидят, то они стоят. Когда другие едут, они идут пешком; либо бегут, когда другие прогуливаются. Если люди носят теплую одежду, они поступают наоборот. Им нравится пища, не отвечающая общим предпочтениям. Связь между этим свойством и такой чертой характера, как упрямство, усматривается безошибочно.

В свои студенческие годы я знал молодого человека, примечательного своими необычными привычками. Он был малообщительным, в нарочитой манере игнорировал моду того времени, не придерживался традиций остальных студентов. Когда мы как-то обедали с ним в ресторане, я обратил внимание, что он сделал выбор блюд в обратном порядке, т. е. начал со сладкого и закончил супом. Несколько лет спустя его родственники попросили меня помочь ему профессионально. Я нашел, что у него уже развилась явная параноидная мания. Если мы имеем в виду огромное значение анальной эротики в психогенезе паранойи, на что указал Ференци, то мы можем оценить эксцентричное поведение молодого человека как формирование анального характера и тем самым как провозвестницу паранойи.

Некоторые случаи невротизма у женщин, в которых необычно сильно проявился комплекс кастрации, показывают нам самым наглядным образом глубокое значение склонности к перестановке. Мы обнаруживаем в таких случаях, что данная склонность возникает по двум причинам – из-за смещения либидо «спереди» «назад» и из-за желания сменить пол. Я надеюсь, что смогу что-то добавить относительно данного симптома в одной из последующих работ.

Мне хотелось бы завершить настоящие заметки об анальном характере наблюдением, истинность которого могут проверить другие. Оно заключается в том, что анальный характер,

как иногда кажется, запечатлевается на физиономии владельца. Он, кажется, особенно проявляется в мрачном выражении лица. Индивиды, лишённые нормального генитального удовлетворения, склонны, как правило, к угрюмости¹⁰. Постоянное напряжение ноздрей вместе с легким поднятием верхней губы мне кажется характерным внешним признаком таких людей. В некоторых случаях это создает впечатление, что они постоянно к чему-то принохиваются. Вероятно, данная характеристика может быть связана с их копрофильным удовольствием от обоняния. В случае с пациентом, имевшим такое выражение лица, я однажды заметил, что он выглядит, как будто постоянно принохивается к себе. Один человек, знавший его достаточно хорошо, подтвердил, что у него действительно имелась привычка нюхать свои руки и любой предмет, который он брал. Я могу добавить, что он в выраженной форме демонстрировал типичные черты анального характера.

Я не могу утверждать, что в настоящей работе исчерпал тему анальных черт характера. Напротив, я сознаю, как мало еще сделал для изучения этого обширного и разнообразного материала. Но на самом деле я ставил перед собой иную цель, а именно расширить наше знание догенитальных стадий развития либидо за счет дополнительного изучения анального характера. Как я сказал вначале, за настоящей работой должно последовать изучение маниакально-депрессивных состояний, для понимания которых знание догенитальных стадий развития весьма существенно.

¹⁰ Некоторые, и это правда, имеют в распоряжении множество нарциссических источников удовольствия и живут в состоянии улыбчивого самоудовлетворения.

Формирование характера на генитальной стадии развития либидо (1925)

Две стадии развития, рассмотренные нами в предыдущих двух главах¹¹, были определены нами как *архаический период формирования характера*. В жизни индивида данные стадии представляют рекапитуляцию тех примитивных состояний, через которые прошло человечество в определенные этапы своего развития. Здесь, как и вообще в биологии, мы видим подтверждение правила, что индивид в сжатом виде повторяет историю своих предков. Соответственно при нормальных обстоятельствах индивид проходит такие ранние стадии формирования характера за относительно короткий промежуток времени. В настоящей главе в весьма общем виде я изложу идею о том, как окончательно, исходя из своего раннего развития, складывается характер мужчин и женщин.

В соответствии с традиционным взглядом, характер определяется как направление, привычно принимаемое произвольными импульсами человека. В мои планы не входит исследовать в настоящей работе, что является точным определением характера. Мы считаем, однако, весьма полезным не слишком следовать «привычке» придавать столь огромное значение направлению волевых импульсов. Ибо наши более ранние исследования уже ясно показали, что характер может меняться. Поэтому лучше, если длительность и степень постоянства импульсов не будет приниматься нами за существенные критерии свойств характера. Для нас достаточно будет сказать, что характером человека мы считаем сумму его инстинктивных реакций на социальную среду.

Мы уже отмечали, что в начале жизни ребенок реагирует на внешний мир исключительно исходя из своих инстинктов. И только постепенно он до определенной степени преодолевает эгоистические импульсы и свой нарциссизм и делает шаг к объектной любви. И достижение данной стадии развития, как мы знаем, совпадает с другим важным событием, а именно с выходом на самый высокий уровень организации либидо – на генитальный. Согласно нашим воззрениям, свойства характеров и мужчин, и женщин имеют определенные инстинктивные источники, естественно, мы должны ожидать, что развитие характера человека завершается, только когда его либидо достигло самой высокой стадии организации и обрело способность к объектной любви. Действительно, взгляд Фрейда на то, что сексуальная установка человека отражается на всем ходе его психического функционирования в целом, находит полное подтверждение в результатах наблюдений в данной области.

В первом из трех очерков было подробно показано, что индивид может занять свое место в социальной среде и полностью реализовать свои способности, только если его либидо достигло генитальной стадии. Но мы пока не уделили специального внимания процессу перехода со второй стадии формирования характера к третьей и последней.

Первая функция данной третьей стадии формирования характера заключается, конечно, в освобождении от остатков более примитивных стадий развития, постольку поскольку они мешают социально приемлемому поведению человека. Он не сможет, например, справедливо и с терпимостью относиться к другим людям и к интересам других людей, пока он не преодолел свои деструктивные и враждебные импульсы, идущие из садистических источников, или свою жадность и недоверчивость, проистекающую из анальной фазы развития. Поэтому мы с большим интересом рассмотрим, какими способами осуществляется подобная трансформация.

Ошеломляющее изобилие материала, связанного с процессами, объединенными под названием «эдипов комплекс», требует своего изучения и привлекает к подобным психиче-

¹¹ Названные главы вместе с настоящей главой были изданы в виде книги под заголовком «Психологические исследования формирования характера».

ским событиям наше внимание. Если мы возьмем только случай мальчика, то обнаружим, что в ранние годы наиболее мощный источник аффекта заключается в его эротическом желании по отношению к своей матери и в желании устранить отца. Тесно связана с этим и его боязнь кастрации. Если он сможет успешно справиться с эмоциями, объединенными вокруг данной проблемы, то это окажет решающее воздействие на тип его характера. Я ограничусь очень кратким обзором данного вопроса, поскольку читатель может обратиться к уже опубликованной работе Александра¹² о связи характера и комплекса кастрации. В общем мы можем сказать, что, когда ребенок преодолевает свой эдипов комплекс со всеми его составляющими, он делает огромный шаг в преодолении своего изначального нарциссизма и своих враждебных тенденций; в то же время он прерывает властвование в своей жизни принципа удовольствия.

Сейчас я хочу подробно остановиться на особом аспекте данного процесса трансформации, значению которого для формирования характера еще не уделялось достаточного внимания. Он заключается в изменчивости отношения мальчика к телу представителей противоположного пола, т. е. в первичном случае – к телу матери. Первоначально ее тело было для него объектом смешанного любопытства и страха; иначе говоря, вызывало у него амбивалентные чувства. Но постепенно он достигает либидинозного катексиса своего объекта любви как целого, а именно включая и те его части, которые ранее вызывали у него противоречивые чувства. Если это было достигнуто, то у него возникают запретные по своей цели проявления либидинозного отношения к объекту чувства нежности, преданности и т. д., и они сосуществуют с прямым эротическим влечением к объекту. Действительно, в течение латентного периода у мальчиков такие «запретные по своей цели» душевные переживания преобладают над их плотскими чувствами. Если развитие ребенка продолжается нормально, то такие новые душевные переживания, относившиеся к матери, начинают переноситься на отца. Они постепенно расширяются, и ребенок начинает дружелюбно и доброжелательно относиться сначала к лицам своего ближайшего окружения, а затем к обществу в целом. Данный процесс представляется мне очень важной основой полного и окончательного формирования характера человека. Он происходит, когда ребенок находится в конце той стадии развития либидо, которую Фрейд назвал фаллической. Это подразумевает, что он достиг того уровня своих объектных отношений, на котором он уже не испытывает амбивалентного отношения к половому органу своего гетеросексуального объекта, но воспринимает его как часть того человека, которого любит во всей его полноте.

Если на более ранних стадиях формирования характера интересы индивида и общества противоречат друг другу, то на генитальной стадии их интересы в большой степени совпадают.

Мы подошли, таким образом, к выводу, что завершение развития характера каждого человека зависит от истории его эдипова комплекса, особенно от развития его способности переносить свои дружественные чувства на других людей или на все свое окружение в целом. Если он не добился в этом успеха, если ему не удалось достаточно развить свои социальные чувства, то прямым следствием будет заметное нарушение характера. Среди наших пациентов, с каждым аспектом психической жизни которых мы знакомимся в процессе психоаналитического лечения, имеется немалое число в той или иной степени страдающих от нарушений такого рода. История их раннего детства всегда демонстрирует определенные эпизоды, мешавшие развитию их социальных чувств. Мы неизменно обнаруживаем, что сексуальные импульсы таких людей не сопровождаются никаким желанием поддерживать нежные и любящие отношения. И аналогичным образом в своей повседневной жизни им трудно устанавливать надежный эмоциональный контакт с другими людьми. Насколько такое с социальной точки зрения желательное развитие характера зависит от степени развития данных «нежных» инстинктивных компонентов, наиболее ясно видно на той категории людей, чье детство прошло под особым

¹² «Кастрационный комплекс и формирование характера» (1922).

влиянием обстоятельств их рождения. Я имею в виду незаконнорожденных детей. С самого начала такие дети страдали от нехватки сочувствия и нежности окружающих людей. Если ребенок не наблюдает примеров любящего отношения, ему будет трудно самому испытывать такие чувства, кроме того, он будет не в состоянии отказаться от примитивных импульсов, первоначально направленных *против* внешнего мира. Тем самым ему легко поддаться асоциальным чувствам. То же самое мы видим у такого невротического пациента, который, хотя родился и рос в обычных обстоятельствах, чувствовал, что его не любили, что он был «Золушкой» в своей семье.

Поскольку мы обсуждаем тему завершающей стадии формирования характера, нам нужно исключить возможное непонимание.

Задачей настоящей работы не является дать указание, что такое собственно «нормальный» характер. Психоанализ никогда не устанавливал норм подобного рода, а удовлетворялся установлением психологических фактов. Психоанализ просто выясняет, насколько лицо или группа лиц смогла продвинуться в своем развитии от начальной к последней стадии формирования характера. Именно аналитический опыт учит нас, что в социальном смысле даже наиболее полное характерологическое развитие представляет в части преодоления более примитивных типов психической структуры лишь *относительный* успех и что индивидуальные обстоятельства внутреннего или внешнего свойства определяют, насколько полно будет достигнута конечная цель или насколько такое достижение будет длительным.

В 1913 г. Фрейд привлек внимание к случаю пациентки, у которой во время менопаузы проявился, наряду с невротическими симптомами, определенный феномен инволюции характера¹³. Это был первый случай такого наблюдения. Мы рассматриваем невротические симптомы в качестве продуктов регрессии в психосексуальной сфере. Объединив оба процесса под общим названием регрессии, Фрейд смог объяснить, почему изменения в характере происходят одновременно с формированием невротических симптомов. Данное наблюдение Фрейда с тех пор неоднократно подтверждалось. Но зависимость характера человека от общей позиции его либидо существует не в какой-то определенный период жизни; такая зависимость существует в любом возрасте. Поговорка «юность не знает добродетели» (*«Jugend kennt keine Tugend»*) выражает мысль, что в начале жизни характер лишен определенной формы стабильности. Тем не менее, мы даже в более позднем периоде не должны переоценивать фиксированность характера, но должны скорее иметь в виду некоторые психологические факты, которых я хочу сейчас коснуться.

Фрейд был первым, кто указал, что важные изменения в психическом складе человека могут происходить в любое время благодаря процессу интроекции. Женщины в особенности склонны уподоблять свой характер характеру того мужчины, с которым живут. И когда они меняют свой любовный объект, бывает, что их характер меняется соответственно. Более того, стоит отметить, что мужьям и женам, долго прожившим друг с другом, свойственно походить друг на друга по характеру.

Психоаналитики знакомы с фактом, что при возникновении невроза он может приносить с собой регрессивные изменения характера; и наоборот, ослабление невроза может сопровождаться изменением характера в направлении развития. Некоторое время назад мне удалось показать, что лица, страдающие циклическими расстройствами, в промежутках между периодическим возвращением симптомов демонстрируют характер, похожий на характер обсессивных невротиков, и, в соответствии с нашими взглядами, они прогрессируют с орального на анально-садистический уровень.

Но имеются и другие причины, почему мы не можем установить характерологическую норму. Как мы знаем, люди демонстрируют чрезвычайную широту вариаций характера в зави-

¹³ «Предрасположенность к обсессивным неврозам» (1913).

симости от своего социального класса, национальности или расы. Нам же необходимо только учитывать, насколько сильно национальные или иные группы людей отличаются друг от друга по своему чувству порядка, правдолюбию, трудолюбию и другим психическим качествам. Но, помимо этого, поведение каждой группы людей меняется в зависимости от времени. Единая нация, например, не единожды меняет свои взгляды на чистоплотность, бережливость, справедливость в ходе своей истории. Наблюдения показали, что смена внешних обстоятельств существования народа, социального класса и т. п. может повлечь кардинальные изменения в их преобладающих характеристиках. Воздействие Первой мировой войны в данном отношении еще свежо в нашей памяти. Таким образом, мы видим, что по мере изменений внутренних и внешних обстоятельств группа людей демонстрирует такую же изменчивость характера, как и отдельный человек.

В двух предыдущих работах я показал, как последняя стадия формирования характера опирается на предшествующие фазы развития и как она включает в себя существенные элементы этих фаз. Особое значение при формировании характера нам пришлось придать различным превратностям эдипова комплекса. Поэтому, чтобы установить фиксированную норму человеческого характера, пришлось бы отвергнуть не только уже признанный факт, что характер может меняться, но и все, что мы знаем о том, как такие изменения происходят.

Мы должны были бы признать нормальным в социальном смысле этого слова человека, которому никакая слишком сильная эксцентричность характера не мешает адаптироваться к интересам общества. Но подобное описание слишком эластично и оставляет простор для огромного числа вариаций. С социальной точки зрения требуется только, чтобы черты характера человека не были чрезмерными; т. е., например, чтобы он мог находить нечто среднее между крайностями жестокости и чрезмерной доброты или между крайностями скупости и мотовства. Мы должны, прежде всего, избегать ошибки установления нормы в отношении пропорций, в которых различные психические качества должны сочетаться в каждом человеке. Едва ли надо говорить, что так мы вряд ли установим идеал «золотого человека» во всех взаимоотношениях людей между собой.

Из всего сказанного нами следует, что не существует абсолютной демаркационной линии между различными видами формирования характера. Тем не менее, на практике мы обнаруживаем, что они вполне естественно подпадают под определенные категории.

Наилучшими объектами психоаналитического исследования являются пациенты, у которых некоторые черты характера под прямым наблюдением аналитика время от времени меняются. Один пришедший ко мне на анализ молодой человек постепенно изменил под влиянием терапии свое отношение настолько, что избавился от определенных асоциальных свойств характера. До этого он был недружелюбным, злобным, властным и жадным в своих отношениях с другими и демонстрировал множество оральных и анальных характеристик. Такое отношение с ходом времени постепенно менялось. Но через определенные нерегулярные интервалы у него возникало сильнейшее сопротивление, которое каждый раз сопровождалось временным возвратом на ту архаическую фазу развития характера, от которой он до того частично отказался. В такие периоды он становился несговорчивым, а его поведение враждебным, речь – повелительной и надменной. Проявив себя до того дружелюбно и вежливо, он становился подозрительным и раздражительным. Пока длилось сопротивление, все его дружеские чувства к знакомым – так же как и к аналитику – прекращались, и он занимал явно оппозиционное отношение к внешнему миру. Одновременно с проявлениями отвращения и ненависти к людям он фокусировал свои желания в чрезмерной степени на неодушевленных предметах. Весь его интерес сосредоточивался на покупке вещей. Тем самым он, насколько возможно, устанавливал отношения *обладания* между собой и своим окружением. В такие периоды он был полон страхов, что его вещи могут потеряться или быть украденными. В его отношении к внешнему миру, таким образом, доминировали идеи владения, приобретения и возможной потери. Как только

его сопротивление уменьшалось, его оральное качество – алчность и анальное – корыстолюбие отходили в отношениях на задний план, и он вновь начинал устанавливать личные отношения с другими людьми и испытывать к ним нормальные чувства, которые продолжали развиваться и укрепляться.

Подобные случаи особенно поучительны, и не только потому, что показывают связь между определенными чертами характера и уровнем либидинозной организации, но и потому, что они доказывают подвижность характера; они демонстрируют, что характер человека может подниматься на более высокий уровень развития или опускаться на более низкий.

На завершающей стадии своего формирования характер во всех своих проявлениях содержит следы связи с предшествующими стадиями развития. Он перенимает у них все, что служит улучшению отношений между индивидом и его объектами. У ранней оральной стадии она берет предприимчивость и энергичность, у анальной стадии – терпеливость, упорство и множество других качеств, из садистических источников – необходимую силу для борьбы за выживание. Если развитие характера прошло успешно, то человек способен не впадать в патологическое преувеличение всех этих характеристик, как в позитивном, так и в негативном направлении. Он в состоянии контролировать свои инстинктивные импульсы без полного отрицания самих инстинктов, как это делает обсессивный невротик. Иллюстрацией может служить чувство справедливости – при удачном развитии это качество характера не доходит до излишней мелочности и не склонно проявляться нежелательным образом по каждому тривиальному случаю. Стоит только задуматься о тех многочисленных действиях, выполняемых навязчивыми невротиками ради «справедливости»: предположим, что правая рука сделала движение или коснулась предмета – левая рука должна сделать то же самое. Мы уже говорили, что обычные чувства дружелюбия совсем не похожи на преувеличенное невротическое добродетельство. Аналогичным образом обычно можно держаться середины между двумя патологическими крайностями откладывания всех дел и постоянной спешки, либо между свехупрямством и подверженностью чужому влиянию. Что касается материальных благ, то достигается компромисс, при котором человек до определенного предела уважает интересы других и в то же время обеспечивает собственное существование. Он удерживает до некоторой степени агрессивные импульсы, необходимые для сохранения собственной жизни. Значительная же часть садистических инстинктов направляется на конструктивные, а не деструктивные цели.

В ходе такого общего изменения характера, в основных чертах описанного нами выше, мы также наблюдаем, что индивид достигает устойчивого подчинения своего нарциссизма. На ранних стадиях его характер в значительной мере руководствовался собственными нарциссическими импульсами. И мы не можем отрицать, что на завершающей стадии характер все еще содержит определенную долю таких импульсов. Наблюдения показали, что ни одна из стадий развития, из которых каждая имеет собственную органическую основу, полностью не преодолевается и не проходит совершенно бесследно. Напротив, каждый новый продукт развития обладает характеристиками, взятыми из предшествующих стадий. Тем не менее, даже хотя признаки примитивной самовлюбленности в определенной мере сохраняются, мы можем сказать, что завершающая стадия формирования характера *относительно* не нарциссична.

Другое изменение огромной важности при формировании характера заключается в преодолении человеком своего амбивалентного отношения (я опять говорю об относительности этого). Уже приводились примеры того, каким образом характер человека избегает крайностей обоюродного после достижения им окончательной стадии развития. Я хочу также привлечь внимание к тому факту, что пока в характере человека существует тяжелый конфликт амбивалентных чувств, для него и его окружения существует постоянная угроза, что он может неожиданно броситься из одной крайности в другую.

Итак, если человек более или менее разовьет свой характер до такого уровня, который мы определили как самый высокий, он должен будет обладать достаточным количеством нежных

и дружественных чувств. Развитие такого рода идет рука об руку с относительно успешным овладением собственным нарциссизмом и амбивалентностью.

Мы видели, с одной стороны, что привычный взгляд на формирование характера не дал нам никакого настоящего объяснения источников этого процесса в целом. С другой стороны, психоанализ, основываясь на эмпирических наблюдениях, продемонстрировал тесную связь формирования характера с психосексуальным развитием ребенка, особенно с различными либидинозными стадиями и с успешным отношением либидо к объекту. Более того, он показал, что даже после окончания детства характер человека подвергается процессу эволюции и инволюции.

В психоанализе мы рассматриваем ненормальный характер в тесной и постоянной связи со всеми другими проявлениями психосексуальной жизни индивида. Это, а также тот факт, что характер не является неизменным даже у взрослых, делает возможным осуществление корректирующего влияния на патологию формирования характера. Психоанализ не ограничивается задачей просто исцелить от невротических симптомов в узком смысле слова. Ему часто приходится одновременно, а иногда и прежде всего, иметь дело с патологическими деформациями характера. Пока наш опыт показывает, что анализ характера был наиболее трудной работой, за которую аналитику приходилось браться, хотя в некоторых случаях она, несомненно, была и самой благодарной. В настоящий момент, однако, мы находимся еще не в том положении, чтобы делать какие-либо общие выводы о терапевтических результатах анализа характера; это нам приходится оставить на будущее.

Эдвард Гловер. Фундаментальные психические концепции

Вступительное замечание

После смерти Фрейда в 1939 г. и вплоть до настоящего времени все более и более очевидным становится рост сопротивления психоанализу. Усиление власти психиатрии, последовавшее за расширением психиатрических служб в военное время, по сути, стимулировало свободное хождение терминологии, первоначально имевшей психоаналитическое значение. Но данному несмелому принятию фрейдовских концепций противостоял начавшийся после войны «мертвый сезон» в медицинской психологии, когда старые формы неаналитической терапии были реанимированы, прикрыты самыми неубедительными теоретическими одеяниями и представлены не очень проникательной психологической общественности как новые и важные творения.

Однако внедисциплинарные формы сопротивления всегда менее важны, чем возникающие внутри самого психоанализа. Время от времени объявляется о новых разработках, которые при ближайшем рассмотрении оказываются либо перефразированием теорий предсознательного функционирования, либо новыми теориями бессознательного функционирования, в формулировках которых первоначальная терминология Фрейда теряет большую часть своего значения. В последнем случае иногда трудно «отделить зерно от плевел» – ценность новой формулировки может быть оценена только после болезненного применения к ней психоаналитических дисциплин, которые Фрейд использовал для проверки собственных теоретических выводов.

С намерением оживить интерес к данным фундаментальным дисциплинам на конференции европейских психоаналитиков, состоявшейся в Амстердаме в мае 1947 г., было представлено в несколько более сжатой форме изложение настоящей статьи о фундаментальных психических концепциях. Потом статья была опубликована в «*Psychoanalytic Quarterly*», Нью-Йорк, том XVII, номер 4 за 1947 г. и перепечатывается здесь в полном варианте с дополнительными сносками и библиографическим комментарием. Я признателен д-ру Раймонду Госселину, редактору «*Psychoanalytic Quarterly*», за разрешение воспроизвести данную статью в полном варианте.

Эдвард Гловер

Основным утверждением настоящей работы является то, что фундаментальные концепции, на которых основывается психоаналитическая теория, могут и должны быть использованы в качестве дисциплины для контроля любых гипотетических реконструкций психического развития и любых этиологических теорий, которые не могут быть проверены клиническим психоанализом напрямую. А поскольку клинический анализ невозможен прежде, чем младенец будет в состоянии понимать смысл устной интерпретации, то это значит, что любые теории и реконструкции, затрагивающие, по крайней мере, первые два года жизни, должны быть предметом исследования данной дисциплины. Другими словами, фундаментальные психоаналитические концепции могут действовать как инструменты исследования, ввиду отсутствия более непосредственных клинических критериев они позволяют нам *проверять* новые теории.

В принципе фундаментальная психоаналитическая концепция не поддается дальнейшей редукции, является необходимой для развития аналитической теории и в такой мере является «*idee fixe*». Часто говорят, что Фрейд был готов менять свои формулировки, когда эмпириче-

ская необходимость требовала изменений. Однако хотя это было правдой в отношении некоторых элементов клинической теории, по моему мнению, это не относилось к его фундаментальным концепциям, за которые он держался изо всех сил и без которых, на самом деле, было бы невозможно установить разумное общение между двумя психоаналитиками.

Простейшими примерами фундаментальных концепций являются: в динамическом смысле – концепция инстинктивной *энергии*, в структурном смысле – концепция *следов памяти*, а в экономическом смысле – *подвижность зарядов* инстинктивной энергии.

На концепции инстинктивной энергии основывается вся теория психической деятельности, на концепции следа памяти строится вся теория психической структуры, на концепции подвижности основывается вся теория психической экономии.

Если данные утверждения могут показаться слишком элементарными, чтобы нуждаться в повторении, то я бы указал на то, что с помощью данных трех фундаментальных концепций мы можем адекватно реконструировать состояние психической деятельности на самых ранних постнатальных стадиях развития. Постулировав, таким образом, существование психического аппарата с его сенсорным и двигательным окончаниями, соединенными соответственно с центростремительными и центробежными каналами, мы можем говорить затем о центральном пути, по которому инстинктивные заряды перемещаются и тем самым активируют и реактивируют первичные следы памяти. Данные следы памяти являются психическими записями перцептивных переживаний, вызванных сенсорной стимуляцией любого происхождения. Используя еще одну базовую концепцию – концепцию *аффекта* — мы можем установить связь между состоянием чувств младенца и колебаниями в количестве и качестве инстинктивных зарядов, которые вызывают немодифицированный аффект. Какой бы простой ни показалась данная реконструкция, она, тем не менее, является совершенно адекватным описанием первых стадий психической жизни. Другими словами, *деятельность психики на самых ранних этапах лучше всего может быть описана в терминах движения зарядов энергии и вариациях аффекта*. Ибо, хотя след памяти является базой для психической структуры, в данный период невозможно говорить об организации Эго или идти далее концепции *систем* следов памяти.

Необходимость переоценить наши фундаментальные концепции была навязана нам некоторыми недавними¹⁴ попытками гипотетических реконструкций ранней психической жизни – реконструкций, постулирующих существование во второй четверти первого года жизни, т. е. с третьего по шестой месяц, дифференцированных систем Эго, включая систему Супер-Эго, высокоразвитых психических механизмов, сложных фантазийных образований и «центральной позиции», тесно связанной с истинной генитальной эдиповой ситуацией. Данная позиция, как утверждается, связана с характерными депрессивными аффектами и не только доминирует, но и определяет *любое* дальнейшее – и нормальное, и ненормальное – развитие¹⁵. Но даже если

¹⁴ Настоящая статья была опубликована в 1947 г. – *Прим. ред.*

¹⁵ Я дал подробный разбор и критику данной новой метапсихологии в статье под названием «Исследование системы детской психологии Кляйн», опубликованной в 1-м томе *The Psychoanalytic Study of the Child*, International Universities Press, New York, USA, 1945 и впоследствии изданной в нашей стране как перепечатка. Данный разбор был основан на записях, вызвавших оживленную полемику вокруг серии обсуждений системы Кляйн, организованных Британским психоаналитическим обществом и проведенных в 1943–1944 гг. Примечательно, что психоаналитиками было сделано мало попыток изменить или усилить метапсихологию Фрейда. Работа Ференци в данном направлении была скорее спекулятивной и вызывающей размышления, чем систематической. Вклад Абрахама был более широким, но касался в основном влияния либидо на формирование Эго. Ни в одном из случаев не предлагалось никаких изменений фундаментальных концепций Фрейда. В данном вопросе только один из старых раскольников когда-либо пытался предложить новую метапсихологическую теорию. Системы Адлера и Штеккеля были по сути клиническими. Юнг единственный изо всех сил старался произвести теорию психики, которая, что интересно отметить, обошла проблему фаз развития в младенчестве. «Теория рождения» Ранка, с другой стороны, была не столько метапсихологической системой, сколько травматической теорией неврозогенезиса, которая, тем не менее, явно противоречила фрейдовским теориям развития психического функционирования. Недавнее отклонение Хорни также больше касается формирования симптомов и проблем личности, чем психического развития, хотя в процессе изложения своих клинических теорий ей удается обойти теорию либидо Фрейда и его концепции психической защиты и конфликта. Рассматриваемая как отклонение, система Кляйн интересна в трех отношениях. Во-первых, в противоречии с взглядами Абрахама она

бы такие реконструкции не выдвигались, я бы все равно настаивал на том, что мы должны еще раз тщательно рассмотреть *концептуальный переход* между, с одной стороны, фундаментальными формулировками, подходящими для описания первичного психического функционирования и, с другой стороны, определениями *организованных* психических действий. Ибо пока данный концептуальный переход не произведен правильно шаг за шагом, могут оставаться всякого рода лазейки для ошибок, противоречий и несоответствий. Игра стоит свеч, ибо *если* мы сумеем осуществить такой переход безошибочно, то мы сможем делать достаточно адекватные реконструкции для описания чуть более сложных стадий развития, существование которых, тем не менее, все еще не может быть проверено никаким прямым анализом. Другими словами, *развитие* психических концепций вызывается возрастающей сложностью психики ребенка и является *мерой такой сложности*.

Возвращаясь к нашим первичным концепциям, а особенно к подвижности инстинктивных зарядов, мы обнаруживаем, что, объединяя динамический, экономический и (элементарный) структурный подходы, мы приходим к еще одной фундаментальной концепции – концепции *психического механизма*. И нам сразу предоставляется возможность указать, каковы должны быть самые ранние такие механизмы. Данный шаг не является чисто теоретическим. Изучение процессов памяти и формирования сновидений показывает, что за наделением (*investment*) следов памяти зарядами энергии рано или поздно следует отнятие катексиса, кроме весьма необычных состояний, например при вытеснении дериватов инстинктов. Данные перемещения согласуются с колебаниями инстинкта, что также выражается в колебании аффекта. Коррелируя далее отнятие катексиса с *фрустрацией* инстинкта, мы можем установить принцип психической *регрессии*, подразумевая, что когда психическая энергия отнята от психического *представления* (фундаментальная концепция, связывающая инстинктивную энергию с осознанием) фрустрированного инстинкта, то она возвращается по своему первоначальному пути следования. Мы можем отсюда признать регрессию в качестве *первичного механизма*, и данный факт мы в любом случае могли бы установить из того обстоятельства, что в первые шесть месяцев жизни младенец в основном спит. Если угодно, то в данный момент мы можем связать рабочую концепцию психического аппарата с еще одной нередуцируемой концепцией – концепцией Ид, ибо, как показала более поздняя работа Фрейда, регрессия *направлена* всегда к Ид; такой взгляд проливает определенно больше света, чем предшествовавшая и более ограниченная концепция регрессии, происходящей внутри психического аппарата, т. е. в направлении от моторного к сенсорному окончанию такого аппарата.

Можно видеть, что, говоря о регрессии, я использовал квалифицирующий термин *первичный*. Данное слово должно употребляться только с величайшей осторожностью. Все же данный термин незаменим по следующим причинам. Хотя мы не можем редуцировать понятие механизма до более простых элементов, мы должны постулировать некоторые врожденные тенденции, передаваемые через Ид, которые ведут к *развитию* механизмов. Другими словами, мы должны признать, что, кажется, существует определенный порядок развития любого отдельного механизма. Но, хотя попытки свести концепцию механизма к понятиям тенденций не служат никакой полезной цели, мы обязаны найти некий способ выразить тот факт, что механизмы действительно становятся более сложными. И мы можем обозначить данный *раз-*

утверждает решающее влияние агрессивных влияний на либидо, чье самостоятельное, биологическое и генетическое значение сильно недооценивается. Во-вторых, она напоминает теорию травмы Ранка, приписывая постоянное влияние на все будущее развитие психическим событиям, происходящим, правда, не при рождении, как предлагал Ранк, а в течение первых трех месяцев жизни, т. е. вскоре после рождения. И в-третьих, она содержит сжимание или сгущение в первые три или четыре месяца жизни тех фаз психического развития, которые Фрейд распространял на первые три или четыре года. Неизбежное последствие такого сгущения – психические концепции, под которым Фрейд подразумевал что-то конкретное, не только потеряли этот смысл, но вместе с этим и ссылку на развитие. Возможно, более значительным является факт, что последователи системы Кляйн явно верят и, на самом деле, настойчиво утверждают, что их гипотезы далеки от того, чтобы быть отклонением от принципов Фрейда, а являются их замечательным развитием.

витийный (временной) фактор, используя квалифицирующий термин *первичный*. Это согласуется с теорией *течения развития от простого к сложному*, или, говоря клинически, с установленным фактом, что психика ребенка действительно развивается. Несомненно, важно, что в попытке описать такое развитие и различить его ранние и последующие стадии слово *первичный* было настоящей находкой. Обратите внимание на использование терминов *первичный процесс*, *первичный аффект*, *первичный садизм*, *первичная идентификация*, *первичный нарциссизм* или, опять же, рискуя в данном случае спутать различные структурные концепции, *примитивное (или первичное) Эго*. Весьма интересно, что одним из нескольких изменений, внесенных Фрейдом в свои более фундаментальные идеи, было постулирование им первичного мазохизма. Короче говоря, *использование термина «первичный» обусловлено необходимостью описать стадии функционирования в тот период, когда психическая структура является элементарной, зачаточной, недоразвитой (rudimentary), когда, на самом деле, мы можем говорить с уверенностью только о действии энергии в строго ограниченном диапазоне катексиса*. В данный период самыми эффективными способами контроля импульса является, во-первых, *регрессия* по направлению к Ид, во-вторых, *отражение и обращение инстинкта на себя*, и, в-третьих, *мобилизация других интересов*, которые либо сдерживают активность фрустрируемого заряда, либо обеспечивают компенсаторное удовлетворение фрустрации. Из данных трех примитивных способов (или действий энергии) второй и третий представляют собой попытки *пассивной и активной адаптации* соответственно. «Отражение» подразумевает, что, хотя младенец в практических целях не знает различий между «self» и «not-self», фрустрированный импульс к (на взгляд наблюдателя) объекту стремится, тем не менее, найти удовлетворение в (на взгляд наблюдателя) «self». Другими словами, на ранних стадиях психического функционирования *цель инстинкта не зависит от распознавания его объекта*. «Обращение» же подразумевает более конкретно, что некоторые импульсы, *активные в своих целях*, при фрустрации имеют тенденцию устанавливать *пассивную* цель. Мобилизация *других* интересов является основанием для так называемого *контркатексиса* – процесса придания заряда *противоположным* интересам. Если любые такие движения не могут уменьшить напряжение инстинкта, то в целях защиты активизируется механизм регрессии. Только когда много позже Эго четко дифференцируется от своих внешних объектов, данные первичные способы или действия могут получить структурное значение.

Концепция *первичных динамических фаз функционирования*, т. е. функционирования в тот период, когда психическая структура является элементарной, уже подразумевалась в работе Фрейда о вытеснении¹⁶. Правда, он не считал вытеснение одним из самых ранних механизмов защиты и утверждал, что оно включает строгое разграничение между сознательными и бессознательными системами. Тем не менее, он описал две фазы данного процесса, а именно: *первичное вытеснение* и *фактическое вытеснение* (или вытеснение как таковое). При первичном вытеснении речь не идет об отнятии катексиса от предсознательной системы. Аффект (тревога), вызванный бессознательным катексисом, просто мобилизует контркатексис. Вытеснение же как таковое подразумевает еще и *длительное отнятие* катексиса от *дериватов* бессознательных импульсов, находящихся в организованной предсознательной системе. Естественно, что при анализе невротического симптома данные две фазы каждого конкретного акта вытеснения могут наблюдаться в прямой последовательности. Но фазы механизмов не появляются, так сказать, за одну ночь. В генетическом отношении они указывают на существование ранних и последующих *стадий инфантильного психического функционирования* и предполагают, что первичное вытеснение само является функциональным паттерном, образовавшимся после неоднократного переживания воздействия противоположных интересов в состояниях фрустрации. Имеет некоторое значение и то, что при уходе за младенцами родители бес-

¹⁶ Freud S. Die Verdrangung // G.W., X.

конечно используют системы контркатексиса, когда стараются отвлечь внимание плачущего ребенка, предлагая ему погремушку или строя гримасы, что, по сути, вместе с встряской, шлепками и умыванием, является старейшей формой шоковой терапии. Действительно, если бы я мог на момент отклониться в сторону и проиллюстрировать клинические преимущества применения фундаментальных концепций как метода исследования, то я бы отметил, что гармонизирующий эффект шоковой терапии лучше всего может быть понят через его выражение в психоаналитических терминах контркатексиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.